

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ФРАНЦИИ

БЕЗМОЛВНАЯ ЯРОСТЬ

ВАЛЕНТЕН МЮССО

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Франция

Валентен Мюссо

Безмолвная ярость

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Мюссо В.

Безмолвная ярость / В. Мюссо — «Эксмо», 2021 — (Ток.
Национальный бестселлер. Франция)

ISBN 978-5-04-190761-7

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ФРАНЦИИ. ТАЙНА СОРОКАЛЕТНЕЙ
ВЫДЕРЖКИ. Из бассейна дорогого курорта выходит уважаемая
пожилая женщина. Внезапно ее глаза расширяются, а нервы натягиваются,
как струны: она увидела человека и узнала его. Женщина следит за тем,
как он возвращается в свое бунгало. Потом она бежит к себе в номер,
хватает большой кухонный нож и стучится в дверь мужчины. А когда
тот открывает, бросается и начинает бешено бить его ножом... Когда ее
арестовывают, она не произносит ни слова. Не отвечает ни на один вопрос
следователя. Полное молчание... Отказывается говорить даже со своим
сыном Тео. Зная свою мать, тот понимает, что эта вспышка ярости не может
объясняться ни ошибкой, ни помутнением рассудка. Тут что-то совсем
другое... Тео узнает, что жертва нападения – известный врач из Швейцарии.
Он едет в Лозанну, но находит совсем не то, чего ожидал. И эта находка
перевернет всю его жизнь...

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-190761-7

© Мюссо В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Часть I	10
1	10
2	16
3	18
4	20
5	24
6	27
7	30
8	32
9	37
10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валентен Мюссо

Безмолвная ярость

Valentin Musso

QU'À JAMAIS J'OUBLIE

© Éditions du Seuil, 2021. Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

© Клокова Е.В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

ВАЛЕНТЕН МЮССО

БЕЗМОЛВНАЯ ЯРОСТЬ

INSPIRIA
Москва
2023

Так терпел я много,

*Что не помню сам;
Муки и тревога
Взмыли к небесам...¹*

Артур Рембо «Песня самой высокой башни»

Нырнуть...

Ощутить, как тело рассекает дрожащую поверхность бассейна, и тут же возродиться, чудесным образом скользнуть под воду, проплыть параллельно дну, быстро замедлить движение и сразу ускориться одним движением ног, задержать дыхание на сколько получится, пока не почувствуешь, что грудь разрывается от недостатка воздуха, потом медленно всплыть: а вдруг что-то помешает подняться на поверхность и неумолимо потянет вас на дно... Она, конечно же, выныривает, сплевывает хлорированную воду, делает несколько взмахов, прежде чем снова нырнуть.

Детский смех она теперь слышит как сквозь вату. Глаза щиплет. Она различает болтающиеся ноги возле ярко-красного дна надувного матраса. В воде она уже через несколько секунд неизменно обретает девичью ловкость, как будто тяжесть прожитых лет теряет власть над ее телом. Окружающий мир меркнет, бассейн в отеле на юге Франции уже кажется ей не вполне реальным.

Озеро... Ей шестнадцать лет. Мерцание воды. Светлые волосы и загорелая кожа. Ежедневное купание, уединенное и тихое сладострастие, которое она вкушает с утраченной невинностью детства. Строго говоря, это не воспоминания, скорее ощущения, угнездившиеся в порах ее кожи, живая память конечностей...

Еще несколько саженей, и она хватается за край бортика. Оглядывается, замечает разомлевшие тела на банных полотенцах, прохладительные напитки на низких алюминиевых столиках, детей, гоняющихся друг за другом вокруг бассейна под окрики матерей.

Как только она выходит из воды, волшебство перестает действовать. Ноги наливаются тяжестью, внутрь заползает злая усталость. Она снимает купальную шапочку, встряхивает волосами и быстро возвращается в шезлонг. Хватает пары секунд, чтобы взгляды окружающих обратились на нее. Возраст не мешает ей осознавать свою красоту и власть над другими людьми. Над мужчинами моложе себя. В их взглядах читается желание, чуть постыдное, быстро подавляемое. Она часто подстерегает эти жестокие переломные моменты: сперва притянутые к ней, как магнитом, они быстро отворачиваются, чувствуя вину за то, что пусть и на секунду, но почувствовали влечение к женщине, иногда намного старше их.

Она не всегда была красивой. В пятнадцать лет черты ее лица были неказистыми, манеры – мальчишескими, походке не доставало элегантности. Редкие фотографии того времени продемонстрировали бы это с суровой правдивостью, но они ей ни к чему. Образ себя пятнадцатилетней запечатлелся у нее в памяти. Лицо сорванца – единственное, что действительно принадлежало ей. Его она хотела бы сохранить. Но в лето шестнадцатилетия произошла метаморфоза, неожиданная и необратимая: стройный силуэт, утонченное лицо, грудь, вызывающе торчащая под белыми платьями образцовой юной девушки. Больше она ни разу не узнала себя в этом теле. Красота может оказаться бременем тяжелее уродства. Мало кто способен это понять.

Рядом с ее полотенцем лежит бестселлер из гостиничного магазинчика, первую главу она так и не осилила по причине его редкой занудности.

Собираясь лечь на шезлонг, она видит его, но узнает не сразу, хотя лучше бы это случилось немедленно, рывком. Сначала появляется ощущение присутствия – кажется, за тобой кто-то

¹ Перевод с французского М. Кудинова.

наблюдает, – хотя мужчина смотрит в другую сторону. Требуется время, чтобы в голове созрела рациональная мысль. Она часто моргает, желая убедиться наверняка, и не понимает, как могла не заметить его раньше. Он пришел, когда она плавала? Или уже был там? Какова вероятность, что это он? *Действительно он...*

Она потрясена. Что-то поднимается в ней, как волна из океанских глубин, захватывающая все ее существо. Она не может шевельнуться. Затылок камнеет. Неподвижные руки прилипли к бокам. Тело стало чужим. Она чувствует только, как капли воды стекают с волос на лоб.

Он лежит рядом с седой женщиной. На нем полосатые плавки, натянутые до пупка. Тело уродливое, дряблое. Она не знает, сколько ему сейчас лет; могла бы покопаться в памяти, быстро посчитать, но уж слишком велико изумление. В момент узнавания что-то внутри нее сломалось – навсегда.

Она ждет. Минут двадцать, может, больше. Она замерла на своем шезлонге, притворяется, что загорает, глаза скрыты за темными очками, но по-прежнему устремлены на мужчину. Официант предлагает гостям прохладительные напитки; она отказывается, покачивая головой.

Мужчина наконец встает. Его жена – ну или спутница – не двигается с места. Они обмениваются несколькими словами, он похлопывает женщину по плечу и уходит шаркающими шагами, с полотенцем под мышкой.

Она выжидает несколько секунд, чтобы не привлекать внимания – да кто заметит, что там происходит у бассейна? – потом быстро хватается за сумку и следует за ним.

Мужчина направляется к бунгалу с розовым фасадом в дальнем конце гостиничного комплекса, за пальмами с пожелтевшими листьями. Номер 36. Дверь он открывает не сразу, медленными движениями. Она стоит чуть в стороне, почти не прячась, – немисливо, чтобы он ее заметил. Мужчина входит в бунгалу. Она несколько мгновений смотрит на закрытую дверь, ничего не испытывая. Страдание пока не просочилось в душу.

Затем она возвращается к себе, находит все необходимое на маленькой открытой кухне и возвращается к номеру 36 с решимостью человека, лишенного выбора. После нескольких минут под кондиционером жара снова обволакивает ее тело, как вторая кожа.

Она прикладывает ухо к двери, дабы убедиться, что он все еще один, потом стучит. На мгновение ей кажется, что он мог не услышать, потому что и сама не уверена, что постучала. Мужчина открывает. Он по-прежнему в плавках, даже рубашку не надел. Его лицо не выглядит удивленно.

Это действительно он. Взглянув с близкого расстояния, она убеждается: ошибки быть не может. Она помнит его лицо, которое постарело меньше тела. Она говорит себе, что в одетом виде он, должно быть, все еще способен произвести впечатление – именно такое выражение приходит ей на ум.

– Слушаю вас...

– Узнаёте меня?

Собственный голос кажется странным, далеким. «Он, конечно же, меня не узнаёт», – думает она, но тут в глубине его глаз загорается крошечная искорка, которая заставляет ее усомниться. На мгновение. Всего на одно. Он качает головой, не понимая, что нужно этой женщине, вздергивает брови, ожидая дальнейших объяснений. Их не будет.

Она повторяет:

– Вы узнаёте меня?

– Что вы хотите? – спрашивает он с внезапным раздражением. – Кто вы такая?

– Меня зовут Нина.

Мужчина не реагирует. «А что ты себе нафантазировала? Думала, одно упоминание твоего имени вызовет у него панику? Воображала, что завеса разорвется?»

Он еще не заметил нож, который она держит в руке, крепко прижимая его к правому бедру, облепленному мокрым саронгом². В кухонном шкафчике она выбрала самый большой и острый.

– Святая Мария, – произносит она после паузы. – Припоминаете?

Вопросы не нуждаются в ответах. Слишком поздно. Мужчина отступает на два шага, он растерян, даже напуган, и она протискивается в дверной проем. Прохладное дыхание кондиционера обдувает ее лицо. Кажется, что она прыгнула через пропасть, время исчезло. Сорок лет... Расстояние покрыто за секунду.

Она смотрит на мужчину, не видя его, не зная, страшно ли ему. Теперь он увидел нож и разевает рот, как будто хочет закричать. Однако ни один звук не срывается с его губ.

Последний акт.

От бассейна доносятся детские крики. Она захлопывает дверь, поднимает нож и наносит первый удар в шею. Красное попадает ей на руку. Теперь она видит только его налитые кровью, лезущие из орбит глаза, искаженное ужасом лицо. Она поднимает нож, чтобы нанести новый удар. Потом еще один. И еще.

Сейчас ей ясно одно: она выйдет из этой комнаты только после того, как убьет этого человека.

² Саронг – традиционная мужская и женская одежда ряда народов Юго-Восточной Азии и Океании. Это полоса цветной хлопчатобумажной ткани, которая обертывается вокруг пояса (или середины груди – у женщин) и прикрывает нижнюю часть тела до щиколоток, наподобие длинной юбки.

Часть I

*Нашему наследству не предшествует никакое завещание.
Рене Шар «Отрывки из Гипноса»*

1

Иногда я говорю себе – с известной оглядкой назад, на которую ссылаются после того, как катастрофа уже произошла, – что все могло сложиться иначе. Но как далеко нужно вернуться во времени, на какой развилке, в какой переломный момент и какой случайный выбор надо сделать, чтобы изменить ход событий?

Драма не бывает случайной. Я верю, что все мы, по трусости и слабости, носим в себе семена будущих несчастий. И когда происходит перелом, жестокий и необратимый, все равно остаемся слепыми и не видим мельчайших трещин, которые предупреждали об этом.

Париж, май 2008 года

Это происходит вечером перед вернисажем.

Я опаздываю. «Пробки», – говорю себе, когда такси высаживает меня перед галереей, но в глубине души не очень-то в это верю. Человек пять знакомых пьют вино и курят перед витриной, в которой выставлено большое черно-белое фото моего отца: взгляд из-под кустистых бровей устремлен в объектив, лицо закрытое – автопортрет из неопубликованного, найденный в его архиве и выбранный мною в качестве плаката для выставки.

Я обмениваюсь несколькими рассеянными рукопожатиями с гостями на тротуаре, оттягивая, насколько это возможно, момент входа в логово льва. Два горящих бешенством глаза приветствуют меня, как только я переступаю порог галереи.

– Какого черта ты вытворяешь? Я оставил тебе как минимум три сообщения!

Матье, владелец галереи и, кстати, мой лучший друг, наблюдал за моим прибытием через окно. Он залпом опустошает свой бокал шампанского, одновременно хватая меня за руку.

– Извини, я забыл мобильный дома и не заметил, как пролетело время. Ты знаешь, ЧТО ЭТО ТАКОЕ...

Откуда ему знать? Матье не расстается с телефоном, который зачастую выглядит естественным продолжением его руки. Он качает головой.

– Ты никогда не изменишься, честное слово... Напоминаю: мобильный телефон существует, чтобы с тобой можно было связаться в любой момент.

– Нужно было начать без меня. Ты бы и сам прекрасно справился.

После короткой паузы его тон становится более серьезным:

– Сегодня люди ждут не меня, Тео. Они хотят услышать именно тебя.

И это действительно проблема. Я отвожу взгляд в сторону. Сколько себя помню, находясь в центре внимания, я всегда впадал в глубокое беспокойство. От шума и разговоров вокруг у меня заболела голова.

– Давай, поехали! – добавляет он, все еще держа меня за руку, – вероятно, опасается, что я убегу, как только он отвернется.

Мы пробираемся через толпу. Матье налево и направо шутит по поводу моего опоздания, как будто меня нет рядом. Я держусь позади и пытаюсь улыбаться.

Фотографии на стенах, плод десятилетнего труда, все в тонких черных рамках, сменяют друг друга, как во сне. Я мог бы мысленно совершить экскурсию по выставке, после того как провел много дней в архиве отца, собирая и сортируя тысячи негативов, которые он

накопил за последние десять лет жизни. У нас с Матье сохранилось сто пятьдесят снимков, все неопубликованные, которые только что изданы в книге под названием «Память и забвение», предисловие и подписи – мои.

Среди знакомых и незнакомых гостей я замечаю Изабель, бывшую помощницу отца, которая машет мне, когда я прохожу мимо. Я знаю ее всю свою жизнь и всегда узнаю по волосам «соль с перцем», уложенным в пучок, которые придают ей старомодный вид школьной учительницы из прошлого. Она прижимает к груди экземпляр книги.

– Ты и представить не можешь, как я тронута, Тео... Ты проделал великолепную работу! Отец гордился бы тобой.

Невозможно сосчитать, сколько раз мне повторяли фразу «Твой отец гордился бы тобой»: когда я получил диплом бакалавра с отличием, когда меня приняли в подготовительный класс лицея Генриха IV, а два года спустя – в «Ла Фемис»³; удостоились этих слов моя первая фото-выставка и первые документальные фильмы, снятые для телевидения. Если о моих работах выходили хвалебные статьи, авторы видели во мне «достойного наследника своего отца»... Но кто на самом деле знает, что он подумал бы обо мне и моей карьере? Эта фраза никогда не заставляла меня почувствовать гордость или тщеславие, скорее оказывала прямо противоположное действие. Вместо того чтобы высказывать гипотетические мысли мертвого и похороненного отца, я предпочел бы, чтобы мне просто сказали: «Мы гордимся тобой». Это именно те слова, которых я тщетно жду все эти годы.

Я едва успеваю поблагодарить Изабель, как меня снова подхватывает и увлекает за собой Матье. Гости следуют за нами и продвигаются вглубь галереи. Рядом с буфетом оборудовано небольшое пространство с микрофоном и столиком для автографов. Мой взгляд теряется в «изысканном собрании». Я ищу лицо, не очень веря в успех. Я даже не разочарован. Когда ни на что не надеешься, нет и досады. Словно читая мои мысли, Матье наклоняется ко мне.

– Ты отправил ей приглашение?

– О ком ты, черт возьми?

Он раздраженно качает головой. Осознавая, что моя реакция нелепа, я капитулирую:

– Нет. Я не верю, что она пришла бы...

Я вру. Я искал лицо моей жены, Джульетты. Вернее, бывшей жены; наш брак давно стал пустой формальностью. Мы не виделись больше шести месяцев и даже не разговаривали по телефону. Я несколько дней колебался, прежде чем вложить приглашение на ее имя в конверт. «Я бы очень хотел, чтобы ты пришла. Надеюсь, выставка тебе понравится». Эти жалкие слова я нацарапал на оборотной стороне открытки. Слова, которые я мог бы написать любому едва знакомому человеку, предназначенным женщине, разделившей со мной шесть лет существования.

«Я бы хотел, чтобы ты была со мной. Ради моего отца. Для меня. Для нас. Я не хочу, чтобы все закончилось таким образом». Неужели эти несколько предложений так трудно написать? Выходит, да, раз я не смог.

Матье наливает себе еще шампанского и постукивает по нему ложечкой, как свидетель на свадьбе, готовый порадовать присутствующих неизбежной речью, обогащенной шутками на тему школы и сентиментальными историями. Он щелкает по микрофону, проверяя звук, и знакомым, хорошо поставленным голосом начинает ретроспективный рассказ о творческом пути моего отца: дебют в качестве художника, первые опубликованные в журналах снимки из путешествий по Африке и Азии, участие в Сопротивлении, годы фотожурналистики в известных информационных агентствах, перекрестные репортажи из США и СССР времен холодной войны – и резкая смена курса в 1963 году, когда он прекратил всякое сотрудничество

³ «Ла Фемис» (*фр.* La Fémis) – Национальная школа изобразительных и звуковых профессий, ранее – Институт высших кинематографических исследований (IDNEC).

с ведущими журналами, чтобы посвятить себя личным проектам, которые при жизни увенчались редкими выставками и публикациями. Квазиотставка на пике славы, во многом способствовавшая легенде о таинственном Йозефе Кирхере.

Я знаю все это наизусть. Матье звучит, как заезженная пластинка. Наконец я поднимаю голову и позволяю своему взгляду скользнуть по аудитории, которая для меня не более чем туманная масса. Раздаются аплодисменты. Только в этот момент я осознаю, что Матье протягивает мне микрофон.

Говорить об отце на публике всегда было для меня испытанием. Наверное, потому, что я никогда не знаю, какую сторону принять. Отстраненно рассуждать о его работах с иллюзорной объективностью, как я мог бы поступить с работами Дуано или Картье-Брессона? Или принять тот факт, что для большинства людей я существую только через него, что он не только мой отец, но и опекун, с которым я прожил большую часть своей жизни, всегда поражаясь тому, что мертвые могут подавлять живых своим присутствием.

Устав жить в тени легенды, я покинул Францию, едва успев отметить тридцатилетие, и переехал в Лос-Анджелес, который немного знал. Я прожил пять лет в Соединенных Штатах и, честно говоря, считаю их лучшими в моей жизни. По иронии судьбы в то время как я изо всех сил старался избавиться от груза фамилии, именно она открыла мне двери в карьеру «фотографа звезд», как вскоре окрестят меня таблоиды. Я уезжал, не имея ни реальных планов, ни особых амбиций, но отец, который долго работал в «Лайф», был достаточно известен за океаном, и агент сразу предложил мне сделать несколько съемок для второстепенных актрис и актеров, стремящихся подняться выше. Мои фотографии, все черно-белые и на пленке, наперекор моде на цифровые технологии и диктату «Фотошопа», имели неожиданный успех. Звезды вскоре стали пользоваться моими услугами, и я, себе и без особых усилий, стал известным/востребованным фотографом. Как говорил Роберт Капа: «Фото уже есть, их надо просто взять».

Я встретил Джульетту на одном из тех ошеломляющих и бесконечных вечеров на вилле в Бель-Эйр, секрет которых известен Голливуду. Будучи эмигранткой, она работала директором по маркетингу в PR-агентстве. Очень большая зарплата. Громадная ответственность. Мы оба путешествовали по сентиментальной пустыне, заводя отношения столь же краткие, сколь и поверхностные. Мы сразу понравились друг другу и начали встречаться, не воспринимая этого всерьез и благоразумно избегая любых планов на жизнь под одной крышей. Мы наслаждались преимуществами супружества, не имея при этом повседневных хлопот, так вредящих чувствам. Вдали от Франции, запертый в пузыре, где все было легко и искусственно, я искренне верил, что наши отношения смогут продлиться. Честолюбивая Джульетта не была готова пожертвовать личной жизнью или надеждой свить семейное гнездышко. Она скучала по своей стране и друзьям. Мы вернулись в Париж, когда ей предложили должность еще более высокооплачиваемую, чем та, которую она занимала. Продолжение, увы, было банально печальным. В тот момент, как мы переехали, поселились вместе и решили пожениться, карета снова превратилась в тыкву. Наше американское начало было нашим выпускным вечером, эфемерным и иллюзорным. На самом деле между нами ничего не сломалось — мы просто не смогли ничего построить.

...Матье все еще протягивает мне микрофон, смущенный отсутствием реакции. В конце концов я беру в руки себя и микрофон. Я не подготовил ничего конкретного, хотел бы оказаться в другом месте, и с первых слов мой голос звучит неуверенно:

— Ни для кого не секрет, что я очень мало общался с отцом. Мне было всего пять лет, когда однажды вечером, в феврале семьдесят третьего года, он умер от сердечного приступа. Когда я думаю о нем, мне трудно отделить собственные воспоминания от чужих рассказов... Даже фотографии вводят меня в заблуждение. Глядя на работы, висящие в этой галерее, я наивно верю, что был свидетелем каждой из этих сцен. Однако некоторые вещи остаются

неизгладимыми. Я всегда буду помнить звук его голоса, мозолистые руки, высокий силуэт в мастерской, склонившийся над столом, на котором он сортировал и раскладывал отпечатки. Именно в мастерской нашей фабрики в Сент-Арну-ан-Ивелин была сделана вот эта фотография.

Я умолкаю и указываю на черно-белый снимок, висящий на стене слева от меня. На нем маленький мальчик: стрижка под горшок, упрямый подбородок, черные глаза, взгляд устремлен на невидимую цель над объективом. Хотя фотография была сделана тридцать пять лет назад, я нахожу, что не сильно изменился. Ну, не считая стрижки. В моей памяти всплыли образы мельницы – старого, почти древнего здания, купленного в очень плохом состоянии, сожравшего половину состояния моего отца. Огромная гостиная с открытыми деревянными балками. Деревянная лестница, которая вела в спальни и на антресоли, заваленные книгами. Клетка со старым колесом. После смерти отца мы прожили на мельнице три года, прежде чем моя мать, уставшая от возни с помещением и постоянным ремонтом, решила продать его чете иностранцев, страстно влюбленной в старые камни.

– Мне тогда было четыре года, – продолжаю я. – Немногие из вас бывали на мельнице и проводили там долгие вечера за коллекционными винами отца. Я смутно помню несколько таких вечеров. Большой дубовый стол посреди гостиной накрыт на десять-пятнадцать человек. В глубине комнаты через большое круглое окно виден водопад на речке, протекавшей под домом. Колесо давно исчезло, но система клапанов позволяла запира́ть или пропускать воду. Мой отец, как вы знаете, был ужасно говорлив и терпеть не мог, когда его перебивают. Мне рассказывали, что, если его обрывали во время обеда, он злился и шел открывать шлюз, чтобы шум водопада заглушил разговор. (В зале вспыхивает смех.) Я не могу вспоминать Йозефа, не упомянув о женщине, которая была ему женой последние пять лет его жизни: мою мать Нину. Они встретились в Париже в конце шестидесятых, когда он переживал небывалый житейский и творческий кризис и был готов бросить фотографию. Думаю, без нее он никогда больше не взял бы камеру в руки. У моего отца был романтический взгляд на вдохновение. Он все время повторял, что Нина была его музой, той, что вернула его к жизни, подарила второе дыхание. Фотографии, которые вы имеете удовольствие видеть сегодня вечером, никогда не появились бы без нее.

Я делаю паузу.

– Моя мать не присутствует здесь сегодня вечером, но она точно не захотела бы, чтобы ее отсутствие неверно истолковали. Вы знаете, что она всегда была одиночкой по натуре, и воспоминания о том периоде жизни причиняют ей много страданий. Эти фотографии оказались для нее слишком тяжелым наследием. Просто знайте, что, отдыхая на юге Франции, она всем сердцем с нами. Благодарю вас за внимание.

Публика аплодирует. Я немедленно возвращаю микрофон Матье.

– Дорогие друзья, наслаждайтесь фуршетом, потом Тео начнет подписывать книги. Вы в привилегированном положении – издание появится в магазинах только через десять дней, а у вас есть возможность приобрести ее сегодня и получить автограф автора.

Все приходит в движение, галерею заполняет веселый гул. Матье улыбается и похлопывает меня по плечу.

– Ты очень хорошо говорил. Люблю, когда ты немного отпускаешь вожжи.

– Брось, меня хватило только на банальности.

– Не важно, банальности это или нет, если они сказаны искренне.

– Еще одна банальность.

Матье как будто ищет кого-то в толпе.

– Кстати, мне нужно познакомить тебя с журналистом, о котором я говорил тебе вчера. Он в восторге от фотографий. Не скрываю, сначала он был настроен скептически – должно

быть, вообразил, что мы наскребли выставку по сусекам... Пообещал мне хвалебную статью на следующей неделе.

– Хорошо, но не могли бы мы заняться этим после автографов?

Он бросает на меня подозрительный взгляд.

– Ты ведь не убегаешь?

– Это в моем духе?

– Вообще-то, да.

– А если серьезно, у тебя есть новости от Лашома? Он сказал, что перезвонит мне.

При упоминании имени нашего адвоката Матье морщится и качает головой:

– Ничего конкретного, но я действительно считаю, что это были пустые угрозы.

Твой брат...

– Мой единокровный брат.

– Ладно, ладно... Твой единокровный брат так далеко не пойдет. Он ничего не может сделать против нас. Твоя мать – распорядитель наследства, и он получит причитающуюся ему часть. Ни один судья не запретит выставку или издание книги без веских причин. Что ему это даст?

– Ты не представляешь, на что способен Камиль, когда впадает в паранойю.

– Ты знаешь, где он сейчас?

– Нет. Либо в реабилитационном центре, либо загрузился под завязку в каком-нибудь гостиничном номере. Ничто не ново под луной, а он потратил на это половину своей жизни.

– Ты жесток к нему, Тео.

– А он разве нет? Проклятье! Как он может угрожать нам судебным иском из-за этих фотографий? Йозеф и его отец, но Камилю всегда было плевать на его работы. А теперь он появляется как чертик из табакерки и изображает защитника! Мой отец никогда не возражал против того, чтобы фотографии однажды были обнародованы. Уверен, он этого даже хотел...

Сам того не сознавая, я повысил голос, так что несколько человек повернули головы в нашу сторону. Я еще не пережил оторопь от заявления, которое Камиль направил нам через судебного пристава. Я злился, ведь он был прекрасно осведомлен о нашей работе и никогда не проявлял к ней ни малейшего интереса.

– Я прекрасно все понимаю, Тео. Но не изводи себя. Давай не будем портить вечер, это было бы слишком глупо.

Я киваю, пытаюсь успокоиться, но для меня вечер был испорчен еще до его начала. Моя семья «висит» на стенах галереи, выставленная на обозрение десятков и десятков незнакомых людей, но никого нет рядом. Я внезапно чувствую, что лишился части себя. В конце концов, возможно, Камиль прав. Наверняка было бы лучше, останься эти негативы лежать в картонных коробках.

Целый час я подписываю книги и болтаю с людьми. Некоторые представители богемы знали моего отца в шестидесятые, а некоторые – и в пятидесятые годы. Рассказывают мне истории. Неизвестно, реальны они или приукрашены временем, как многие мои собственные воспоминания. Незнакомая женщина лет шестидесяти с озорными глазами за очками в черепаховой оправе повествует мне о поездке с Йозефом и французской делегацией в абхазский совхоз. Она описывает экспериментальные теплицы, поля томатов, скрещенных с перцами. Сцена чуть сюрреалистична, но я слушаю и вежливо киваю. Я никогда не понимал, как мой отец, независимый пессимист, почти мизантроп, мог искренне верить в коммунистическую утопию. Его фотографии Советского Союза 1950-х годов кажутся мне самыми постановочными.

– Назовите любимую фотографию вашего отца? – спрашивает женщина, когда я протягиваю ей подписанную книгу.

Я притворяюсь, что задумался, хотя сотни раз отвечал на этот вопрос.

– Он бы сказал вам: «Та, которую я сделаю завтра».

Она хихикает над остротой, которую я позаимствовал у Имоджен Каннингем, и благодарит меня за автограф.

Остаток вечера ускользает от меня. Я долго беседую с журналистом, но стоящий рядом Матье чувствует, что я отвечаю на вопросы механически, подписываю еще несколько книг опоздавшим и прохаживаюсь среди гостей с застывшей на губах улыбкой.

Почти неосознанно возвращаюсь к фотографии, сделанной в мельничном парке Сент-Арну у реки. На ней запечатлены отец, мать, Камиль, тетя Мод и я. Единственный кадр, где мы все вместе. Наши лица размыты, как будто в расфокусе. Я всегда считал, что отец использовал автоспуск, но теперь не так в этом уверен. Может, кто-то другой – но кто? – сделал это фото, которому здесь не место. В голове мелькает смутное впечатление. Как и фотоклише «советского периода», снимок кажется мне надуманным, чуть ли не безвкусным. Словно статистов попросили сыграть образцовую семью. Стоя в толпе перед лицами моей семьи, я вдруг ощущаю себя ужасно одиноким.

Говорят, что предчувствие предупреждает нас о несчастье, которое вот-вот произойдет. Но я ничего не чувствую. Совсем ничего.

2

Сейчас почти два ночи. Я наконец покидаю галерею и отправляюсь домой, в квартиру на улице Якоба в 6-м округе. Меня слегка ведет, хотя за весь вечер выпито не больше двух бокалов шампанского, и я решаю пройтись, подышать свежим воздухом и отвлечься.

Я не включаю свет – гостиная купается в неоновой синеве отеля напротив. Именно здесь мы с Джульеттой жили, когда вернулись из США. По крайней мере, нам хватило ума не покупать квартиру, а остаться арендаторами. Когда мы расстались, я предложил ей оставить квартиру за собой, но она отказалась, убежденная, что страницу нельзя перевернуть наполовину... Никогда. А я остался. Может, из мазохизма или в тщетной надежде, что мы когда-нибудь снова будем вместе. Тогда я еще верил, что прошлое можно починить, как старую сломанную игрушку.

Я знаю, что не смогу уснуть, несмотря на усталость. В полумраке ищу телефон и нахожу его разряженным на столе в кухне. Приоткрываю окно и закурываю сигарету. Над крышами на фоне неба чернеет шпиль церкви Сен-Жермен. По лесам на доме напротив пробирается кошка.

Я не могу перестать думать о Камиле. Вдруг захотелось позвонить ему, несмотря на поздний час, письмо его адвоката и все, что между нами произошло, хотя я знаю, что мне будет нечего сказать ему. Слова похоронены где-то внутри меня, в замурованном склепе. Как могли наши отношения так испортиться? Я помню время, когда мы хорошо ладили, несмотря на различия в характерах: он – солнечный экстраверт, я – сдержанный молчун...

После смерти отца Камиль прожил с нами год, а потом переехал к нашей тете Мод на Лазурный Берег. Подростком он пристрастился к наркотикам, но не упал в них, как в бездну. Все происходило незаметно для окружающих, в первую очередь для меня: несколько «косяков» в выходные или праздники, потом ежедневное потребление и первые таблетки экстази. В восемнадцать лет он познакомился со своим постоянным дилером, а вместе с ним – с кокаином и спидами. Если по той или иной причине не удавалось вовремя «дозаправиться», он растирал и нюхал атаракс или зопиклон из аптечки Мод, чтобы поддержать себя. Так продолжался двадцать пять лет; периоды ремиссии сменяются неумолимыми рецидивами.

Между курсами лечения мой брат начал погружаться в паранойю. Я бы не смог проследить точную хронологию событий. Иногда ему казалось, что за ним шпионят, подслушивают по телефону, а в один прекрасный день он убедил себя, что часть отцовского наследства кто-то присвоил. Мало того, что мой отец очень хорошо зарабатывал, после смерти рейтинг его фоторабот взлетел до небес. Но основной капитал семьи – невероятная коллекция, которую Йозеф Кирхер собирал всю жизнь, в основном «по дружбе». Я вырос в окружении оригинальных гравюр Мана Рэя⁴ и Брассая⁵, полотен Дюбюффе⁶, Фонтаны⁷ и Моранди⁸, считая, что так живут

⁴ Ман Рэй (1890–1976) – французский и американский художник, фотограф и кинорежиссер, творчество которого оказало огромное влияние на авангардное искусство всего XX века: от дадаизма и сюрреализма до абстрактной и коммерческой фотографии.

⁵ Брассай (*наст.* Дьюла Халас, 1899–1984) – венгерский и французский фотограф, художник и скульптор, один из представителей документальной и сюрреалистической фотографии.

⁶ Жан Дюбюффе (1901–1985) – французский художник и скульптор, основоположник так называемого ар брют – «грубого» или «сырого» искусства, принципиально близкого к любительской живописи детей, самоучек, душевнобольных, не признающего общепринятых эстетических норм и использующего любые подручные материалы.

⁷ Лучо Фонтана (1899–1968) – итальянский живописец, скульптор, теоретик, абстракционист и новатор. Самыми характерными для Фонтаны произведениями стали картины с прорезями и разрывами, которые принесли ему широкую известность. Впервые со времен К. Малевича картина была преобразована таким радикальным способом.

⁸ Джорджо Моранди (1890–1964) – итальянский живописец и график.

и все мои ровесники. После смерти отца мать обнаружила, что около двадцати полотен и предметов антикварной мебели хранятся в здании Общества сохранения произведений искусства.

Половина коллекции пошла на уплату «натурой» налога на наследство, но со временем Камилю пришло в голову, что некоторые работы, висевшие на мельнице, были спрятаны и украдены. Время от времени нам приходили письма с детскими угрозами судебного иска, но все они оставались без ответа. Психическое состояние спровоцировало и его последнюю атаку на выставку и публикацию книги. Я знаю, что деньги тут ни при чем – как и у меня, у Камиля их хватит на две, а может быть, и три беззаботно-безработные жизни. Нелепые обвинения – выражение его бессильного гнева, который не на кого выплеснуть.

Что было бы, останься Камиль с нами? Я часто задаю себе этот вопрос и снова и снова поражаюсь неопределенности, окружавшей тот период моей жизни. Как могла моя мать отпустить Камиля жить с Мод, ведь она вырастила его как собственного сына? И как это возможно, что за все эти годы я ни разу не заговорил с ней об этом? Думаю, она не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы продолжать растить двух детей теперь уже одной. В глубине души я уверен, что по-настоящему Нина любила меня только в детстве, когда я был маленьким и послушным. Подрастая, я чувствовал, что становлюсь для нее чем-то вроде громоздкой вещи, которую не хочется держать при себе постоянно. Во время каникул все было хорошо, я мог уехать из дома; большую часть лета проводил у Мод в Приморских Альпах, а во время коротких каникул ездил в лагерь или к скаутам. В остальное время Нина казалась отсутствующей, далекой, слишком красивой молодой женщиной, чья жизнь так и не распустилась, как бутон, прихваченный морозом.

Я тушу сигарету в чашке, беру пиво из холодильника, делаю глоток и иду раздеваться в спальню. Нахожу зарядное устройство возле кровати и подключаю телефон. В ванной снимаю контактные линзы, чищу зубы и смотрю в зеркало на свое осунувшееся и слишком бледное лицо. Тело ломит. Неужели я заболел?

Через несколько минут подает голос мобильник, у меня есть непрочитанные сообщения. На экране появляются три злобных «депеш» от Матье: «Где-ты-есть-Господи?» Улыбаюсь впервые за вечер, но тут же снова впадаю в тревогу. В конце вчерашнего дня было два звонка с одного неизвестного номера. Человек, который пытался связаться со мной, оставил двухминутное сообщение. Слушаю его, сидя на краю кровати. Понимаю каждое слово, но вместе все они кажутся бессмысленными, как головоломка, последняя часть которой не раскрывает рисунок на коробке. Я ошеломлен, окаменел и не в силах шевельнуться.

Это полицейский. Он быстро, холодным тоном сообщает мне, что моя мать пыталась убить человека.

3

Я прослушиваю сообщение три раза, надеясь, что это розыгрыш или недоразумение, что найдется объяснение, которое положит конец этому безумию. Я не знаю, что делать. Звонить полицейскому не могу – он сообщил мне, что если я не прослушаю его сообщение в ближайшее время, то не смогу связаться с ним до следующего утра.

Я пытаюсь уговорить себя, что это, должно быть, несчастный случай, но тот человек говорил о «покушении на убийство». Я слабо разбираюсь в юридических терминах, но точно знаю, что это выражение предполагает преднамеренность. Почти машинально выбираю мамин номер в «Избранном». Она не отвечает. «Вернись на землю, Тео: ее только что арестовали за попытку кого-то убить».

В растерянности я звоню Матье, и он тут же снимает трубку. Судя по его голосу, с тех пор как мы расстались, он продолжал пить. Я бормочу несколько слов (которые и сам не понимаю), пытаюсь дословно передать, что сказал полицейский, но он прерывает меня:

– Подожди, подожди! О чем ты говоришь, Тео? Что это за история без начала и конца? Твоя мать кого-то убила?

Он почти кричит в трубку. Я провожу рукой по лбу; у меня, кажется, жар. Сердце бьется неестественно быстро.

– Нет. Она пыталась убить человека... Сегодня днем.

– Где это произошло?

– В отеле недалеко от Авиньона, где она планировала остановиться на несколько дней.

– Я думал, она у твоей тети.

– Нет, мама должна была присоединиться к ней позже, в Антибе.

– Хочешь сказать, что Нина намеренно покушалась на человека? По собственной воле?

Он так педалирует последний вопрос, что тот всплывает у меня в голове, как заголовок сенсации на первой полосе.

– Да.

– Дьявольщина! Кто он?

– Понятия не имею, этого полицейский не сказал. Кажется, она вроде пришла к нему в номер и напала на него с ножом...

– С ножом? Твоя мать хотела кого-то заколоть ножом?

– Именно так.

– В каком он состоянии? Серьезно ранен?

– Этого я тоже не знаю.

– Свидетели были? Может, все-таки... недоразумение?

На этот раз я повышаю голос:

– Нет, это не гребаное недоразумение! Копы не сомневаются, что это сделала моя мать!

Матье молчит, он тоже потрясен.

– Что нужно делать? – спрашиваю я.

– Где она сейчас? В комиссариате?

– Нет, ее госпитализировали.

– Она тоже ранена?

– «Ранена» – не то слово, но, насколько я понимаю, психологически она была не в том состоянии, чтобы везти ее в полицию.

– Знаешь, в какой она больнице?

– Да, полицейский сказал мне адрес.

– Ее уже допрашивали? Взяли под стражу?

– Не знаю, Матье. Завязывай уже с вопросами!

– Ладно. Я не думаю, что полиция стала бы тебя оповещать, если только об этом не попросила твоя мать... А если она не в состоянии говорить, сомневаюсь, что ее арестовали. Может, так даже лучше... Она не должна ничего говорить, пока рядом не будет адвоката. Ты меня слышишь?

В моей голове все перемешалось. Я уже не могу следить за ходом разговора.

– Да, я тебя слышу.

– Хочешь, я приеду к тебе? Мы поговорим спокойно, и ты дашь мне прослушать это сообщение.

– Нет, это лишнее. Мне нужно сделать несколько звонков...

– Сейчас два часа ночи, Тео! Кому ты собираешься звонить в такой час?

– Я не знаю... В больницу... Мне просто нужно что-то делать.

– Подожди, подожди! Ты не можешь...

– Матье, спасибо за помощь, но, думаю, я справлюсь. Мне просто нужно было услышать тебя. Не волнуйся, все наладится.

Я лгу и ему, и себе. Нет, все налаживается только по взмаху волшебной палочки. Матье прав: моей матери как можно скорее нужен адвокат. Нужно связаться с Лашомом, который занимается делами нашей семьи более десяти лет. Он специализируется на защите прав на произведения искусства, но я уверен, что очень скоро сможет найти мне кого-нибудь компетентного в уголовных делах. Я оставляю мэтру на автоответчике длинное сообщение, в котором подробно объясняю, что случилось.

Просидев некоторое время на кровати, я прилагаю усилия, чтобы выйти из оцепенения. Варю себе кофе, ищу в интернете телефон больницы, набираю дважды, но никто не отвечает. Попробую позже.

Моя первая идея – заказать билет на TGV до Авиньона. Смотрю расписание – первый поезд отправляется в 7:30 утра; значит, я смогу быть на месте около 11 утра. Но знаю, что ночью не сомкну глаз и не хочу метаться, как зверь в клетке. Сверяюсь с навигатором: если я не буду слишком щепетил к ограничениям скорости, могу пройти дорогу за шесть часов. Я долго не раздумываю. В любом случае, что мне делать в этой квартире до рассвета?

В спальне быстро набиваю сумку вещами на два-три дня, хотя я понятия не имею, сколько продлится поездка. В доме, где я живу, нет подземной парковки, и уже несколько лет я снимаю втридорога помещение в двухстах метрах от дома, хотя на машине почти не езжу. С Джульеттой мы часто ездили на выходные или в отпуск, но эти дни прошли.

Было 2:30 ночи, когда я выехал с автостоянки на углу улиц Жакоб и Святых Отцов. Я теперь так редко бываю за рулем, что с трудом восстанавливаю рефлекс. Улицы почти безлюдны. Одиночество обволакивает мое тело, как вторая кожа. Я еду через юг Парижа. С кольцевой дороги съезжаю на автомагистраль А6, потом на шоссе Дю Солей⁹: мне кажется, что название автомагистрали, учитывая обстоятельства, никогда не звучало так неуместно.

⁹ Солнечное (*фр.*).

4

В голове постоянно мечется один и тот же образ: моя мать, размахивая ножом, бросается на мужчину без возраста с размытыми чертами лица. Через мгновение я вижу ее – изможденную, с окровавленными руками и лицом. Сцена из ночного кошмара. Может быть, я в конце концов проснусь...

Проходят часы. Через четыреста километров, между Маконом и Лионом, я заезжаю на стоянку, чтобы передохнуть и заправиться. В магазине перед колонками людей больше, чем я мог себе представить. Куда едут все эти люди в такой час? Я не думаю, что кто-то из них находится здесь ради чистого удовольствия. Покупаю кофе в автомате, пью его под непрерывный шум автострады и выкуриваю две сигареты подряд, прислонившись к капоту машины. Я давно на пределе усталости.

Остальной маршрут куда сложнее. У меня болят спина и шея, поэтому приходится делать частые перерывы на кофе. Я включаю радио, ищу новости, убежденный, что все они будут о моей матери и о покушении. Столкновения в Бейруте, последствия дела Кервьеля¹⁰, объявленное поражение Хиллари Клинтон на праймериз Демократической партии... Про маму – тишина.

Около восьми часов мне перезванивает Лашом. Он бормочет, что только сейчас получил мое сообщение. Адвокат, обычно не проявляющий эмоций, сегодня будто не в себе. Я снова пересказываю ему все, что услышал от копа, одновременно пытаюсь вернуть нас обоих к реальности. Он без колебаний заявляет мне, что знает подходящего человека, который способен помочь моей матери: Эрик Гез.

Имя острое, как тесак. Гез – адвокат, гипермедийная фигура, почетный участник всех телешоу, где он блистает отточенностью формулировок. Гез – «любимая мозоль» судей; на его счету впечатляющее число оправдательных приговоров, за которые он получил прозвище «Оправдатель». Политики, замешанные в налоговых скандалах, рвут его на части, но он не реже защищает семьи жертв в уголовных делах об убийствах, изнасилованиях или похищениях.

Я реагирую мгновенно:

– Послушайте, жизнь моей семьи будет препарирована в СМИ. Гез слишком публичен и одиозен, судьи его ненавидят, он усугубит ситуацию...

– «Усугубит ситуацию?» Тео, Нина подозревается в убийстве. Нам нужен лучший из лучших, то есть Гез. Я знаю его много лет и могу связаться с ним напрямую. Уверен, он возьмет это дело.

– Что меня и пугает... Хотя у нас нет выбора.

– Нам нужен кто-то надежный, и очень быстро. Юрист, который «не упустит ни кусочка» и окажется на высоте положения.

Что толку колебаться – иного решения на данный момент нет.

– Хорошо, свяжитесь с ним.

Лашом объясняет мне, что адвокат может увидеться с клиентом и получить доступ к материалам дела через двадцать один час с момента задержания. Он подтверждает то, что сказал мне Матье: ничто не обязывало полицию сообщать мне о случившемся, и почему они решили это сделать, понять трудно. Лашом обещает перезвонить, как только поговорит с Гезом, и вешает трубку. Я отправляю сообщение Матье, чтобы успокоить его, а заодно убедить себя, что сделал лучший выбор.

¹⁰ В 2008 г. трейдер Ж. Кервьель в одночасье стал знаменитостью – он чуть не уничтожил один из крупнейших банков Европы «Сосьете женераль», нанеся ему фантастический ущерб в 5 млрд евро махинациями на рынке.

* * *

Через час я подъезжаю к окраинам Авиньона. Навигатор велит мне ехать по кольцевой дороге до впадения в Рону реки Дюранс; здесь и расположилась больница, где лежит мать. В 9:30 утра я въезжаю на парковку. Окружающий пейзаж, несмотря на несколько деревьев и зеленые газоны, выглядит мрачно и грустно. Больничные корпуса-параллелепипеды разной высоты напомнили мне геометрические фигуры из «Тетриса» (я играл в него подростком), только цветов поменьше.

Паркуюсь возле сборного домика, выхожу из машины. У меня кружится голова; реальность лишь сейчас обрушивается на меня в полную силу, и я осязаемо представляю последствия. Даже с лучшим адвокатом в мире мама попадет в тюрьму. Если представить смягчающие обстоятельства – но какие, когда я даже не знаю, кто жертва! – какой минимальный срок ей грозит? Пять лет? Десять? Понятия не имею.

Выкурив еще одну сигарету, я направляюсь в больницу. Сообщаю в регистратуре, что приехал навестить мать. Администратор за стеклянной стойкой объясняет мне, что посещения разрешены с 13:00.

– Вы не знали об этом?

Я колеблюсь, изображаю смущение:

– Моя мать была госпитализирована вчера при особых обстоятельствах. Ее имя Нина Кирхер.

Медичка вздрагивает. Она в курсе. Очевидно, вся больница уже в курсе.

– О, да... Я иду... Сейчас приглашу кого-нибудь из руководства. Пожалуйста, подождите минутку, – говорит она, кивнув на пластиковые кресла у входа.

Я сажусь рядом с большим фикусом, который выглядит таким же подавленным, как и я. Долго ждать не приходится – через пять минут ко мне подходит мужчина моего возраста в костюме и представляется: он входит в состав руководства больницы, но я не улавливаю, какую роль он там играет.

– Вы сын мадам Кирхер?

– Да.

– Думаю, вам сейчас очень тяжело, – говорит он с сочувствием.

– Что случилось?

Мужчина смотрит на меня, не зная, с чего начать.

– Ваша мать поступила в отделение вчера во второй половине дня. Вы знаете, что в настоящее время проводится полицейское расследование?

Я киваю.

– Я только что прибыл из Парижа, полиция связалась со мной вчера поздно вечером.

– Понимаю.

– Я хотел бы ее увидеть.

Он откашливается, все еще сомневаясь, как поступить.

– Мне очень жаль, но ваша мать не в состоянии принимать посетителей, да и полиция... – Он умолкает и отводит взгляд.

– Она задержана, так? Поэтому я не могу ее увидеть?

– Мне жаль, но это все, что я уполномочен вам сообщить.

– Речь идет о моей матери! Мне все равно, в чем ее обвиняют. Если она госпитализирована, значит, на то есть причина. Я всего лишь хочу ее увидеть, просто увидеть!

– Послушайте, вы, конечно, имеете право узнать подробнее о состоянии здоровья нашей пациентки, но над остальным я не властен, о чем очень сожалею. Я отведу вас к врачу, который ведет ее; он вам все объяснит. Договорились?

Я не хочу устраивать сцену; киваю и следую за ним. Мы поднимаемся на лифте на второй этаж, идем по бесконечному белому коридору. Длинные цветные стрелки на полу указывают направление к различным отделениям. Администратор ведет меня в небольшие комнаты, оборудованные компьютерами, но на офисы не похожие, где мне приходится ждать доктора почти четверть часа. Появляется дружелюбный бородач, явно предпенсионного возраста. На шее у него висят на цепочке очки без оправы. Произнеся несколько банальностей, он начинает задавать вопросы. «Есть ли у вашей мамы хронические болезни?.. Она когда-нибудь страдала психическим расстройством?.. Была ли жертвой кризисов в последние годы?..» Отвечаю лаконично, не понимая, куда клонит медик. Наконец он сообщает, что мою мать привезли в отделение неотложной помощи с поверхностными ранами на руках, нанесенными, видимо, ножом. Я понимаю, что он ограничится констатацией фактов, подробности хода событий ему неизвестны, потому что это вне его компетенции. Он сообщает мне, что ее доставили на скорой в сопровождении двух полицейских. Она не могла идти и до сих пор не произнесла ни единого слова.

– Ни одного, – повторяет медик, желая убедиться, что я все правильно понял. «Когнитивное оцепенение», «потеря двигательной инициативы», «полное расстройство речи» – вот термины, которые он употребляет. Видя мое перевернутое лицо, пытается успокоить меня, как умеет:

– С чисто физиологической точки зрения ваша мать, скорее всего, не страдает. Мы сделали компьютерную томографию, и результаты не показали никаких отклонений. Ее состояние – результат сильнейшего посттравматического шока.

Нетрудно понять, что так отреагировал ее мозг на попытку убить человека. Медик откашливается и говорит:

– Тотальное оцепенение – явление необычное, но и не исключительное. Мы все по-разному реагируем на потрясения. Одни больные не сдерживают эмоции, другие подавляют их. В случае с вашей матерью мы столкнулись с гипореакцией, которая транслирует страдание от того, что... – Он колеблется в течение двух-трех секунд, прежде чем продолжить. – Умышленно или непреднамеренно спровоцировала инцидент.

На это мне ответить нечего.

– В одном я уверен, мистер Кирхер: ваша мать не симулирует свое состояние.

– Почему вы мне это говорите?

– Иногда мы госпитализируем пациентов, замешанных в уголовных преступлениях: некоторые притворяются, разыгрывая дурачков или чокнутых. Вашу мать прошлой ночью осматривал психиатр; смоделировать такое состояние перед профессионалом практически невозможно.

– Как долго это продлится?

– У меня нет ответа. Как правило, так называемая острая фаза длится от нескольких часов до нескольких дней. Но абсолютного правила нет: одни расстройства оказываются временными, другие переходят в хронические формы.

Врач надевает очки и тут же их снимает – жест, отражающий желание закончить трудный разговор.

– Мне нужно ее увидеть.

– Ваша мать заснула всего несколько часов назад и до сих пор не проснулась. Мы не можем ее беспокоить.

– Я знаю, что полиция запретила посещения – они не хотят, чтобы мама вступала в контакт с кем бы то ни было.

– Я не полицейский, господин Кирхер. Ваша мать для меня пациентка, такая же, как и все остальные.

– Ну так позвольте мне увидеть ее, всего на минуту. Я проехал семь часов и не могу уйти просто так.

Доктор избегает моего взгляда, трет щетинистые щеки. Я прямо-таки вижу, как в его голове вращаются какие-то шестеренки; кажется, он осознал, что и так наговорил лишнего.

– Следуйте за мной, – в конце концов неохотно бросает он.

Мы минуем два коридорных перекрестка; я ожидаю увидеть полицейского у дверей палаты моей матери, но там никого нет. Я радуюсь, наивно сочтя это хорошим знаком, но чуть позже узнаю, что некоторые люди, находящиеся в больнице под стражей, нередко остаются без присмотра, особенно ночью.

– Не больше минуты, в моем присутствии и не приближаясь к кровати, хорошо?

Я послушно киваю.

Врач открывает дверь. Жалюзи опущены, в комнате полумрак, но я могу различить мою мать на больничной койке. Руки лежат на одеяле, которое, кажется, дышит вместе с ней, приподнимаясь и опускаясь, трубка капельницы тянется к резервуару. Ее лицо удивительно спокойное. Похоже, она мирно спит, как будто вчерашнего дня не было. Я никогда не видел свою мать спящей, и у меня такое чувство, что я нарушаю табу, ломаю дверь в ее личное пространство.

Я помню фотографии, которые отец сделал во времена ее юности. Мама, конечно, постарела, но красота никуда не делась. Я не могу понять, почему такая женщина больше не вышла замуж после смерти моего отца. У нее не было не то что серьезных романов, но и любых отношений вообще. Быстро прикидываю в уме: ей было двадцать четыре или двадцать пять лет, когда она овдовела, и впервые это удивляет меня; я осознаю, насколько это ненормально. Сколько женщин оказываются в подобной ситуации в таком возрасте?

Доктор кладет руку мне на плечо, тянет к двери и закрывает ее за нами. Я чувствую его облегчение: все прошло без инцидентов, а я не пытался остаться подольше.

– Спасибо, вы не обязаны были...

Он провожает меня до лифта, пожимает руку и желает удачи. Через несколько минут я оказываюсь на стоянке и закурываю сигарету, чувствуя тошноту и липкий пот. Пока я был в больнице, пришло сообщение от Лашома: «Дорогой Тео, мне ответил Гез. Он берется. Его партнер позаботится о других его текущих делах. Он позвонит вам. Вы в хороших руках. Мужайтесь. Искренне ваш».

Новость ненадолго успокаивает меня, я чувствую себя чуть менее одиноким. Смотрю на фасад больницы, ищу на третьем этаже окно моей матери и впервые в жизни говорю себе, что ничего, абсолютно ничего не знаю о женщине, которая меня родила.

Звонит сотовый. На дисплее номер «моего» вчерашнего полицейского.

5

Незадолго до полудня я оказываюсь в центральном комиссариате. Капитан принимает меня в узком кабинете с парой плакатов на выцветших стенах. Мне трудно определить его точный возраст. На нем светлая рубашка и вполне элегантный синий пиджак. Он не похож на полицейского, который проводит время «в поле», а если не обращать внимания на убогую обстановку, его можно принять за банковского менеджера или страхового служащего, которые хотят продать вам свой товар. Он устраивается в большом кресле на колесиках, мне достается неудобный жесткий стул. Я так устал, что с трудом держу глаза открытыми.

– Полагаю, вы были в больнице?

Вряд ли ему нужен мой ответ, думаю, кто-то его проинформировал. Может, мне не стоит отвечать? Правильно ли было приезжать к нему? Я боюсь совершить ошибку.

– Да, но мне не позволили увидеть мать, только коротко проинформировали о ее здоровье.

Полицейский подкатывается на кресле ближе к столу. Может, собирается записать разговор? Нет, пока просто возится с шариковой ручкой.

– Ваша мать была взята под стражу вчера в пятнадцать сорок пять. Как вы, несомненно, знаете, на данный момент она не ответила ни на один из наших вопросов. Врач заявил, что ее состояние несовместимо с содержанием в камере. Мы еще не знаем, как долго она пробудет в больнице, но мои коллеги еще раз попытаются допросить ее, и мы потребуем повторной экспертизы ее состояния. Вполне вероятно, что будет выдвинуто обвинение. Вы понимаете, что это значит?

– Да.

Этот коп читает мне нотацию, как ребенку... Надо было с самого начала вести себя по-взрослому.

– У нее есть адвокат?

– Мэтр Гез из Парижской коллегии.

Он хмурит брови, я его озадачил.

– Мэтр Эрик Гез?

Я киваю и замечаю в его глазах тревогу. Он понимает, что попал на зыбкую почву, и, возможно, теперь сожалеет, что позвал меня.

– В чем именно обвиняют мою мать?

Капитан начинает чертить маленькие концентрические круги на уголке какого-то документа.

– Ваша мать подозревается в покушении на убийство Грегори Далленбаха, гражданина Швейцарии семидесяти шести лет. Вы знаете этого человека?

– Нет.

Я слишком устал, чтобы искать в глубинах памяти, но интуитивно чувствую, что никогда не слышал этого имени. Полицейский смотрит мне прямо в глаза, словно хочет убедиться в правдивости ответа. Не знаю, предпочел бы я знать жертву или нет.

– Уверены?

– На все сто.

Он кажется разочарованным.

– Женщины совершают убийства крайне редко, по статистике – менее десяти процентов от общего числа. А в девяносто пяти процентах случаев знают жертву: супруга, ребенка, друга... Поэтому мы пытаемся выяснить, какая существует связь между господином Далленбахом и вашей матерью, потому что, если это не приступ безумия в чистом виде, она наверняка есть.

Попытка убийства без видимого мотива... Я начинаю понимать, *что* делаю в участке. Полиция ищет конкретные детали, чтобы изобличить мою мать и связать ее с этим человеком. Я должен быть осторожен, произнося каждое слово, которое я говорю. Однако в итоге разговор снова начинаю я:

– Этот мужчина в той же больнице, что и моя мать?

– Вы же понимаете, что я не могу вам ответить.

– Он выживет?

– На данный момент неизвестно. Он получил серьезные ранения и потерял много крови. Состояние критическое, прогноз врачей сдержанный. Знаете отель «Амбассадор»?

– Нет. Это случилось там?

– Да, в комплексе, расположенном в Вильнёв-лез-Авиньон. Он шикарный. Знаете, почему мадам Кирхер остановилась именно в нем?

– Как вы думаете, она оказалась там случайно?

– Ответьте сначала на мой вопрос, прошу вас.

– Моя тетя по отцовской линии живет на Лазурном Берегу. Раз или два в год моя мама навещает ее, а по пути туда или обратно всегда пользуется возможностью провести несколько дней в отеле. В одиночестве.

– Она останавливалась там раньше?

– Мама бывала в Авиньоне много раз, но не знаю, останавливалась ли она в этом отеле или в другом.

– Понятно.

Я вспоминаю слова доктора: мою мать доставили в отделение неотложной помощи в крови, с ножевыми ранениями рук.

– Свидетели были? Почему маму подозревают? Что, если она тоже жертва?

– Боюсь, такую возможность мы пока исключаем. Супружеская пара из бунгало по соседству с господином Далленбахом услышала отчаянные крики мужчины. Они испугались. Супруг не осмелился выйти и позвонил менеджеру отеля. Сотрудник прибыл очень быстро и нашел тяжелораненую жертву в малой гостиной.

– А моя мать?

– Сидела на корточках, привалившись к стене в углу комнаты. Она не двигалась, но все еще держала в руках нож. На ее теле и одежде было много крови, и медики сначала подумали, что она тоже ранена.

– Возможно, это была самооборона. Не исключено, что на нее напали...

Полицейский вздыхает. Я вижу, что он в затруднении и предпочел бы разобраться с банальным делом, которое уж точно не испортило бы его хваленую статистику.

– Все произошло в номере господина Далленбаха. Нет оснований предполагать, что вашу мать заставили прийти туда силой. Жертва находилась у бассейна со своей женой меньше чем за десять минут до происшествия – кстати, как и ваша мать. Показания свидетелей, которыми мы располагаем, позволяют предположить, что это она последовала за жертвой в его бунгало.

Я пытаюсь привести в порядок мысли, но мой мозг пребывает в хаотичном состоянии.

– Вы думаете, что моя мать остановилась в этом отеле только потому, что там находился этот человек?

– Мы пока не знаем.

– Вы не думаете, что если б она действительно хотела кого-то убить, то поступила бы иначе?

– Я ничему не верю, господин Кирхер. Некоторые люди совершают преступления, не пытаясь их скрыть. Они ничего не способны рассчитать и не способны предвидеть последствия своих действий. Простой спор, ссора могут спровоцировать переход к действию...

– «Спор»? «Ссора»? Могла ли моя мать за несколько минут поспорить с человеком, которого не знает, и захотеть его убить? Это бред! Обязательно есть что-то, о чем вы не подозреваете...

– Конечно. Именно поэтому мы хотим точно восстановить ход событий, и нам нужна ваша помощь.

Я обхватываю голову руками.

– Мама никогда не имела дел с полицией – даже правил дорожного движения не... Она не преступница.

– Очень трудно допустить, что близкий человек мог совершить такой немыслимый поступок. – Капитан умолкает, откладывает ручку и начинает терзать скрепку. – Ваша мать живет одна?

– Да.

– У нее нет друга?

Я качаю головой. Мне следовало догадаться, что он в конце концов коснется ее личной жизни.

– Вы рано потеряли отца: вам, должно быть, пришлось так же тяжело, как и мадам Кирхер...

– Как и всякому, кто теряет отца или мужа. Ни больше ни меньше.

Мой ответ его не интересует. Он чувствует, что я ушел в глухую оборону.

– Какие отношения у вас сложились с матерью?

– О чем вы?

– Вы с ней близки?

– Характер у нее скорее... независимый. Мы видимся не так часто, как хотелось бы, но отношения у нас хорошие.

Кажется, это прозвучало фальшиво – не то я хотел сказать.

– Значит, вы можете не все знать о ее жизни? Об отношениях с людьми без вашего ведома?

– К чему вы клоните? Вы считаете, что моя мать была любовницей того человека, господина...

– Далленбаха. Его фамилия Далленбах.

– Вы верите, что у нее был роман с женатым мужчиной и это преступление на почве страсти?

– Такую возможность нельзя исключать. Это многое объяснило бы. И да, я не думаю, что ваша мать оказалась в том отеле случайно.

– Вы сказали, что он был не один. Скажите, вы стали бы назначать встречу любовнице, отправляясь в отпуск с женой?

– Я не женат.

– Извините, это фигура речи.

– Я не говорил, что он назначил ей свидание. Мадам Кирхер могла последовать за ним без его ведома...

Я откидываюсь на спинку стула.

– Что теперь будет?

– Мы проанализируем все образцы с места происшествия: кровь, ДНК, отпечатки пальцев... Нам предстоит перепроверить множество показаний. Что касается вашей матери, вполне вероятно, что она скоро предстанет перед судьей, если ее состояние позволит... Я вам не враг, господин Кирхер. Я просто делаю свою работу. Нужно попытаться понять, что могло произойти, и сделать это в интересах вашей матери.

Я не отвечаю. Мне трудно в это поверить, даже если я очень постараюсь.

6

Я снимаю номер на одну ночь в отеле в центре Авиньона, на площади Амиранд, в двух шагах от Папского дворца. Убранство жутко перегружено: панели, дверные косяки, все обшито тканями... Я падаю на кровать и чувствую, что мозг вот-вот взорвется. Мне нужно немного отдохнуть, всего несколько минут, чтобы попытаться понять все яснее.

...Я открываю глаза. У меня до сих пор дико болит голова. Делаю усилие, чтобы встать. В комнате сумерки. Мне кажется, что прошло не больше четверти часа, но телефон показывает мне, что я проспал почти два часа. Я умираю от жажды. Выхватываю из мини-бара банку «Кока-колы» и пью большими глотками, глядя на башни дворца на другой стороне улицы. Прошло двадцать пять лет с моего первого приезда в Авиньон: подростком я иногда останавливался там, когда проводил лето у своей тети Мод.

В комнате слишком холодно. Несколько минут я борюсь с кондиционером. Очень хочется курить, но у меня есть более срочные дела. Пока я спал, звонил Эрик Гез и оставил сообщение. Он написал, что садится в поезд на Авиньон.

Я немедленно перезваниваю, узнаю его хриплый, гнусавый и слегка сварливый голос. Начинаю с сути дела. Я предпочитаю играть в открытую: рассказываю о посещении больницы и визите в полицейский участок.

– Вы не должны были являться в комиссариат по вызову, не предупредив меня, – говорит он укоризненно.

– Это был не допрос – скорее неформальный диалог.

– Неформальных диалогов с полицией не бывает, имейте это в виду на будущее.

Я излагаю содержание разговора под шум поезда на заднем плане.

– Значит, полиция не установила никакой связи между вашей матерью и жертвой?

– Нет, но они полагают, что у них могли быть отношения.

– Понятно.

Гез подробно объясняет мне процедуру рассмотрения подобных дел: передача дела прокурору или следственному судье, вероятное предъявление обвинения, заключение под стражу. Я ни на минуту не могу представить, что мою мать посадят в тюрьму, особенно в нынешнем ее состоянии. Я все еще надеюсь, что какое-то неожиданное событие положит конец всей этой истории.

– Не пытайтесь снова контактировать с матерью: это может навредить ей. И я прошу вас больше не обращаться в полицию. Отныне всё только через меня. Всё поняли?

– Да.

– Дело очень быстро станет достоянием общественности. Известность вашего отца... сами понимаете. Журналисты захотят взять у вас интервью. Главное, ничего им не говорите. Ни слова! И не ходите на телевидение и радио, об остальном позабочусь я.

Несмотря на последний совет, я отказываюсь вести себя как сторонний наблюдатель. Кладу трубку и сразу подключаюсь к гостиничному вай-фаю. Не знаю, с чего начать, просто набираю в поисковике имя матери. Она, конечно же, присутствует на многих страницах, посвященных Йозефу Кирхеру, но в новостях ничем не выделяется. Следом ввожу название отеля «Амбассадор», где останавливалась мама. На экране появляются две последние статьи, которым всего несколько часов. Одна из «Ля Прованс», другая из «Лё дофин». Открываю первую.

ВИЛЬНЁВ-ЛЕЗ-АВИНЬОН: ЖЕНЩИНА АРЕСТОВАНА ПОСЛЕ ЖЕСТОКОГО НАПАДЕНИЯ В ОТЕЛЕ.

Трагедия произошла вчера, в пятницу, 9 июня, в отеле «Амбассадор», роскошном гостиничном комплексе, расположенном на берегу Роны. Женщина шестидесяти лет, личность которой до сих пор неизвестна, была взята под стражу за жестокое нападение на мужчину, которому она нанесла несколько ударов ножом в горло и грудь. Пострадавший в критическом состоянии был немедленно доставлен в больницу. Диагноз и прогноз не разглашаются. По первым показаниям свидетелей, непосредственно перед нападением в номере отеля вспыхнула ожесточенная перепалка, короткая и жестокая. На данный момент полиция не уточнила, была ли это семейная драма и знали ли друг друга нападавшая и жертва.

Вторая статья столь же уклончива, хотя и представляет версию о семейной драме как «вероятную». Я набираю имя Грегори Далленбаха, но об этом человеке нет никакой информации. Я надеялся обнаружить связь, пусть даже крошечную, между ним и моей семьей, поэтому ужасно разочарован.

Нужно систематизировать то немногое, что я уже знаю, и раздобыть новую информацию. Вспоминаю слова врача и скопом ввожу в поисковик: *травма, когнитивное оцепенение, потеря двигательной инициативы...*

Провожу около часа, просматривая медицинские сайты с научными статьями о психотравмирующих синдромах. Как сказал врач, то, через что проходит моя мать, не является чем-то исключительным. После трагедии многие жертвы – *годится ли это слово для Нины в данных обстоятельствах?* – могут просто «утонуть в ужасе». Я узнаю, что этот тип реакции, как правило, имеет благодатную почву – ему способствует наличие в анамнезе депрессии, тревожных или навязчивых расстройств.

Застыв перед экраном, перебираю мысли, которые посещали меня в последние часы: моя мать так и не вышла снова замуж, она отстраненна, холодна и всегда болезненно желала одиночества. Как я мог быть так слеп все эти годы, принимая хроническое депрессивное состояние за простые проявления дикого и нелюдимого темперамента? Вспоминаю подробности: ее аномально частые визиты к врачам, ежедневный прием таблеток – по ее словам, от гипертонии, – внезапный уход в себя во время наших разговоров, который я приписывал рассеянности, отстраненный взгляд, только скользивший по вещам, никогда ни на чем не задерживаясь... Сумела ли мама пережить смерть мужа? Думая о родителях, я воспринимаю их как единое целое, синкретичную пару. Возможно, из-за разницы в возрасте моя мать всегда казалась мне скорее сиротой, чем вдовой.

Я продолжаю просматривать веб-страницы. В одной диссертации по психологии читаю: когда субъект несет ответственность за драму – в данном случае это мягко сказано! – риск, что у него разовьется психотравмирующий синдром, намного выше. При этом, помимо ступора и отрыва от реальности, нередко появляются признаки амнезии. Молчание Нины – результат только что пережитого шока, или она совсем забыла о том, что сделала?

Внимание привлекает последняя статья о рецидивах потрясений, вызванных давним событием. Повседневная ситуация, прямо или символически напоминающая инцидент, произошедший даже несколько лет назад, может спровоцировать кризис и вновь высвободить травмирующий заряд. Триггерное событие бывает незначительным, но выталкивает жертву за пределы допустимого порога терпения.

Читая статью, я понимаю, что слишком много внимания было уделено последствиям и слишком мало – причинам. Что произошло в отеле? Какое происшествие, какое слово, пусть даже ерундовое, могло спровоцировать взрыв насилия? Нет, моя мать не могла оказаться в этом месте случайно. Но я сомневаюсь, однако, что она пришла туда с ясным намерением убить. Был спусковой крючок, искра, воспламенившая порох. Вот что нужно выяснить, отыскать корни зла, которые привели к такой развязке.

Закрываю компьютер. Пока я убежден только в одном: моя мать не безумна, она знала этого человека. Знала – и имела веские причины желать его смерти.

7

Гез перезванивает ранним вечером. Он приехал в Авиньон и предлагает выпить в городе. Мы встречаемся в тихом бистро. Меня все еще мучает адская головная боль, но я заказываю выпивку.

Адвокат верен своему телеимиджу: он брутален, угрюм, внушительен, спокоен, но взгляд его голубых глаз иногда становится жестким и как будто выворачивает вас наизнанку. Гез побывал в комиссариате. Ему еще предстоит получить доступ ко всем материалам дела, но у полиции есть убойные, по его мнению, улики. Орудие убийства, окровавленная одежда, показания постояльцев и сотрудников отеля, отсутствие третьего лица, которое могло быть причастно к ссоре: если ситуация не изменится, будет трудно отрицать реальность фактов.

– В гостиничном номере вашей матери был произведен обыск. Полиция не обнаружила никаких примечательных предметов, но смогла с уверенностью установить, что нож, которым было совершено нападение, действительно взят из кухонного набора этого номера. Поскольку она держала нож в руке, когда ее обнаружили, нет никаких сомнений в том, что на нем имеются ее отпечатки пальцев. Единственный положительный момент – использованное оружие поможет нам оспорить обвинение в преднамеренности, если ее задержат. У вашей матери не было при себе никаких опасных предметов, когда она заселялась, – значит, мы можем защищать гипотезу о том, что она не планировала преступление, последствия которого с точки зрения уголовного законодательства будут не из легких, это очевидно.

Я чувствую себя обязанным выступить в роли адвоката дьявола:

– Полицейский сказал, что с момента, когда моя мать вышла из бассейна, до момента нападения прошло не больше десяти минут. Однако она вернулась в свою комнату за ножом, что исключает самооборону или состояние аффекта.

– Я не собираюсь лгать вам: дело началось очень плохо. Когда вещественных доказательств слишком много и они слишком очевидные, приходится делать ставку на психологию и смягчающие обстоятельства. Даже если ваша мать в данный момент отказывается говорить, нам придется опираться на принцип смягчения последствий...

– «Принцип смягчения последствий»?

– Другими словами, искать нарушения, влияющие на способность принятия решения в момент совершения деяния. Мы должны доказать, что ваша мать была не способна оценить масштабы совершаемого и, следовательно, нести за них ответственность. Правосудие назначит несколько психиатрических экспертиз, и мы сможем запросить перекрестную экспертизу. Это не исключает проведения судебного разбирательства, но в случаях даже частичного психического расстройства приговоры могут быть значительно смягчены.

– Понятно.

– Но чтобы добиться этого, мне нужно знать все.

– Я уже говорил, что не знаю этого человека. Я ничего от вас не скрываю, зачем мне это делать?

Гез качает головой и тяжело вздыхает. Синяя рубашка натягивается на массивной груди.

– Я не об этом: мы собираемся провести тщательное расследование в отношении этого Далленбаха. С другой стороны, мне нужно знать все о вашей матери, о ее психологическом состоянии, ее прошлом, о вашей семье... Я убежден, что это станет важнейшим элементом стратегии защиты.

Я делаю глоток вина. У меня нет ни малейшего желания выставлять нашу жизнь напоказ перед человеком, которого я едва знаю, но выбора нет. Я трачу час на исповедь Гезу и стараюсь вести себя как можно честнее, не скрывая ни отвратительных отношений, которые у меня сложились с Камилем, ни дистанции, которую моя мать установила между нами. Гез часто

кивает, наверняка надеясь, что я в конце концов выдам ему семейную тайну, которая поможет распутать клубок. Я веду себя как в кабинете психиатра, не понимая, чем ему пригодятся мои откровения.

Когда я заканчиваю, адвокат не выказывает разочарования. Около полуночи мы расстаемся, и у меня возникает неприятное чувство, что я «скользил по поверхности» и не сумел найти нужные слова. Похоже, чаще всего мы – худшие наблюдатели и худшие судьи над собственной жизнью.

По дороге в отель, на безлюдных улицах Авиньона, я осознаю, что в одиночку ничего не добьюсь. Мне нужна помощь, чтобы раскопать прошлое матери, и я знаю только одного человека, который способен подставить мне плечо.

8

Я еду по бульвару Гаруп в Антибе, мимо роскошных вилл, возвышающихся над побережьем. Я выключил кондиционер и опустил окна. Время близится к полудню, погода прекрасная. Море из-за разразившегося накануне шторма скорее зеленое, чем голубое. Асфальт все еще мокрый. В бухте пришвартованы несколько яхт и парусников.

Я вышел из отеля рано, даже не позавтракав, зная, что в Авиньоне мне делать нечего. Я ехал три часа и, несмотря на предостережения Геза, слушал по радио новости. Дело моей матери сейчас во всех новостях, ее уже называют по фамилии. Везде говорят о «покушении на убийство», даже если обстоятельства трагедии преподносятся как неясные. Из-за отсутствия конкретных деталей журналисты чаще всего упоминают моего отца. Нине в очередной раз суждено быть всего лишь вдовой «легендарного фотографа». Жертва описывается как «семи-десятилетний гражданин Швейцарии», без дополнительных подробностей.

Я поднимаюсь вглубь мыса, потом сворачиваю на длинную извилистую дорогу, в конце которой живет моя тетя. Я мог бы – вернее, должен был бы – позвонить Мод, сообщить о приезде, но... не хватило духу. Я наивно полагал, что лицом к лицу будет проще, но теперь, когда подключились СМИ, сожалею о своем решении.

Ворота открыты, но я паркуюсь на улице. Дом Мод – буржуазная вилла начала двадцатого века, белая, высокая и узкая – окружен соснами. Мой дед по отцовской линии, сын промышленника, видел, как его состояние улетучивается из-за дорогостоящего и легкомысленного образа жизни, и построил дом перед Первой мировой; зимний туризм тогда привлекал состоятельных людей на Лазурный Берег. Пройдя через портал, я вижу, что грязный фасад покрылся трещинами, а крыша в плачевном состоянии. В детстве этот дом казался мне раем. Сегодня я нахожу его грустным и старомодным. Возможно, то же впечатление произведет и мельница в Сент-Арну, если я попаду туда.

Прицеп, полный пальмовых ветвей и скошенной травы, перегораживает подъездную аллею. Возле старой цистерны, в которую когда-то собиралась дождевая вода, я вижу Мод: на голове у нее соломенная шляпа, спина чуть согнута, она чистит уличный столик из экзотического дерева.

– Тео! – восклицает она, бросив щетку на тряпку, лежащую на земле.

С колотящимся сердцем подхожу к ней, обнимаю, сбив шляпу, и вдыхаю пьянящую смесь лаванды и жасмина, которую узнаю где угодно – тетя всегда использует одну и ту же туалетную воду.

– Мод... Как поживаешь?

Она отстраняется от меня и кладет мне руки на плечи. В ясных глазах я угадываю тень тревоги. Ничего странного: я впервые нагрянул к ней без предупреждения.

– Что ты здесь делаешь? Откуда приехал? Что-то случилось?

Она не слышала новости. Жаль... Я бы хотел, чтобы она уже все знала.

– Я выехал из Парижа прошлой ночью. До сегодняшнего утра был в Авиньоне. Мы можем пойти в дом? Мне нужно с тобой поговорить...

* * *

Мы сидим в гостиной и молчим. Мод плачет. Всхлипывая, незаметно вытирает глаза и нос платочком. Ошеломленная моим рассказом, она слушала, почти не перебивая. Я смотрю ей в лицо – наверняка слишком пристально. Как и дом, тетя выглядит изношенной и усталой. Я всегда отказывался признавать, что люди вокруг меня меняются, а теперь вижу вещи по-новому, более ясно, более жестоко.

На столике, на всегдашнем месте, стоит большая инкрустированная шкатулка. В ней лежат трубки моего отца, хранящиеся в войлочных мешочках. Я кладу пальцы на крышку, но не открываю ее, хотя очень хочется. Нужно держать ностальгию в узде.

Мод, снова всхлипывая, говорит:

– Не могу поверить... Нину посадят?

– Сейчас она в больнице, с ней хорошо обращаются.

Я не должен щадить ее. Дальше будет только хуже. Я выжидаю несколько секунд, прежде чем продолжить:

– Ты уверена, что имя этого человека ничего тебе не говорит? Далленбах... Грегори Далленбах. Постарайся вспомнить.

Я виню себя за тон, за то, что ставлю ее в унижительное положение, намекая на слабеющую память.

– Я уверена, что никогда не слышала этого имени.

– Когда мама должна была приехать к тебе?

– На следующей неделе. Во вторник, если быть точной... Три дня назад мы говорили по телефону.

– Она показалась тебе не такой, как всегда? Сказала что-нибудь странное?

– Нет. Она радовалась, что мы увидимся. Призналась, что скучает в Париже и хочет сменить обстановку.

Я почти убежден, что в поступке матери не было ничего преднамеренного, но знаю, что ей редко случалось проводить целую неделю в одиночестве в отеле.

– Мод, никто не знает Нину лучше тебя. Случившееся заставило меня осознать многие вещи. Об отце мне известно все – его происхождение, прошлое, ваша семья... Даже если бы ничего не рассказывали, мне достаточно было бы зайти на его страницу в «Википедии», чтобы все узнать. А вот мама для меня загадка. Я понятия не имею, откуда она родом, – никогда не знал ни бабушку с дедушкой, ни других родственников. Словно она появилась на свет в тот день, когда встретила папу. Считаешь, это нормально? Кажется, меня все детство приучали никогда не расспрашивать о ней.

– Что ты такое говоришь?!

– Правду. Об отце – на здоровье, даже после его смерти все продолжало вращаться вокруг него: наследие, его работа, которую нужно сохранить, его память, мельница, которая стала настоящей святыней... А как же моя мать, где она во всем этом?

Мод подносит к губам сцепленные в замок пальцы, будто решила помолиться. Я вижу, насколько болезненным будет для нее этот разговор.

– Твои бабушка и дедушка умерли, когда Нине было всего тринадцать. У нее не было ни брата, ни сестры. Ее перекидывали из одной приемной семьи в другую, и она никогда не чувствовала себя как дома. Учитывая перенесенную травму, ты легко догадаешься, что у нее остались не самые забавные воспоминания о том времени. Вот почему она никогда об этом не говорит.

– Все это я уже слышал раньше, но рассказ о ее прошлом всегда сводился к нескольким пустым фразам. Сирота... Пресловутая автомобильная авария, в которой погибли дедушка и бабушка... Но где она произошла? Почему мы никогда не посещали их могилы? Почему я в глаза не видел ни одной фотографии, как будто семьи никогда и не было?!

– Тео, они умерли больше сорока лет назад. Всю свою жизнь Нина пыталась перевернуть страницу и построить новую жизнь. Ты можешь это понять?

– С трудом. Когда теряешь родителей в таком юном возрасте, не пытаешься заставить их исчезнуть, не можешь вычеркнуть детство из своей жизни. Прошлое всегда возвращается.

Мод смотрит на меня строже обычного.

– Что именно ты ищешь? Тебе не кажется, что все и так достаточно сложно? Какое отношение детство твоей матери имеет к случившемуся?

– Я пытаюсь понять, как мы могли до этого докатиться. Как моя мать, не причинившая вреда ни одной мухе, могла попытаться убить человека, просто поплавав в бассейне?... В прошлом есть что-то, чего я не знаю, и я хочу выяснить, что именно.

В гостиной повисает тяжелая тишина. Я обвожу взглядом комнату.

Помню, в детстве стены были увешаны работами отца. Однажды летом все они исчезли, уступив место небольшим картинам и старым местным открыткам. Полагаю, Мод было невыносимо смотреть на эти реликвии. Как и Нине.

– Были у мамы другие мужчины, кроме отца?

– Тео! Думаешь, мне хочется говорить об этом с тобой?

– Она овдовела, когда ей не было двадцати пяти. Она всегда была невероятно красива. Кто поверит, что у нее ни с кем не было отношений?

Мод неодобрительно качает головой.

– Ты истинный мужчина... Хочешь сказать, что, если б твоя мать была уродиной, ты счел бы ситуацию нормальной?

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Я с трудом представляю, сколько мужчин, должно быть, за ней ухаживали...

– Тебе никогда не приходило в голову, что Нина, возможно, пыталась защитить тебя?

– Защитить меня?

– Да, она овдовела в двадцать четыре года, а тебе было всего пять, когда умер Йозеф. Ужасно потерять отца в таком возрасте... Как бы ты отреагировал, если б Нина приводила домой мужчин? Сам знаешь, как некоторые дети страдают в подобной ситуации.

– Согласен – и могу понять, почему она пыталась вести себя сдержанно, когда я был ребенком. Но позже... Зачем скрывать от меня свои романы? Она не сделала бы ничего плохого, и я бы только радовался.

Мод наклоняет голову, кладет руки на колени.

– Нина познакомилась с твоим отцом, когда была совсем юной. До него в ее жизни не было ни одного мужчины. Отец был на тридцать лет старше! Ты хоть представляешь, что ей пришлось пережить? Слухи, злобные сплетни...

– Какие сплетни?

– Ты все знаешь об отце и должен понимать, о чем я говорю. Многие думали, что твоей маме нужны были деньги и слава Йозефа. Кое-кто упрекал его в том, что он быстро утешился после смерти первой жены в объятиях молодой и красивой девушки. Мой брат был обольстителем, бесполезно пытаться скрыть это; ты не представляешь, сколько женщин крутилось вокруг него. Но выбрал он ее. Она умела утешить его, успокоить тревоги, внушить желание продолжать фотографировать. Нина очень любила твоего отца. Это была безумная любовь, которую мало кто знает в жизни; она и подумать не могла, что Йозеф когда-нибудь исчезнет. Во всяком случае, так скоро...

Внезапно лицо Мод темнеет.

– Подожди, Тео... Ты думаешь, у Нины были отношения с этим мужчиной? Ты поэтому задаешь все эти вопросы?

– Еще недавно я мог поверить в подобное, но теперь все изменилось. Нина как-нибудь связана со Швейцарией?

– Швейцарией?

– Далленбах – швейцарец.

Она качает головой.

– Кажется, нет. Я помню, что Йозеф несколько раз ездил по работе в Женеву или Лозанну... Твои родители путешествовали, когда ты был маленьким; возможно, они бывали там, но не более того.

Я разочарован. Я надеялся, что Мод расскажет мне больше, но не остановлюсь на достигнутом.

– Нина посещала психиатра?

– Даже если и так, я бы тебе не сказала. Ты не имеешь права... не имеешь права копаться в жизни матери.

– Мод, она в больнице. Она не произнесла ни слова с момента нападения, не смогла даже шага сделать самостоятельно, когда полиция задержала ее. Поэтому я считаю, что имею право и обязан задавать вопросы.

– Мы с Ниной не говорим о подобном.

– Ты ее золовка и лучшая подруга. С кем она могла бы поговорить о таком, кроме тебя? Если у Нины есть психологические проблемы, ты должна мне сказать. В любом случае полиция в конце концов узнает об этом...

Мод машинально теребит завязки жилета и отвечает не сразу:

– Никого она не посещала...

Я снова кладу руки на шкатулку, поворачиваю ключик, с трудом приоткрываю крышку и вижу чехол из войлока, вересковую курительную трубку, шомпол для прочистки, черную лакированную зажигалку. Эти вещи принадлежат другому миру, далекой вселенной, в которой мне больше нет места.

– Эта шкатулка всегда тут жила, – сообщает Мод.

– Знаю.

– Мы привязываемся к вещам... Раньше я ненавидела запах этих трубок.

– Почему Камиль переехал жить к тебе, когда ему было девять лет?

– Камиль!.. Ты и его хочешь впутать в эту историю? Намерен взбаламутить все наше существование?

– Я много чего должен был сделать раньше.

– Хорошо, раз ты хочешь... Тогда нам казалось, что так будет лучше для всех.

– Лучше для всех или для Нины?

– Годы после смерти Йозефа были для нее очень тяжелыми. Она чувствовала себя опустошенной, подавленной повседневностью. Тебе было пять лет. Ребенок в этом возрасте требует много времени и энергии. Камиль был добрым, но вспыльчивым. Нина не могла заботиться о вас двоих. И потом...

Мод умолкает.

– Что – потом?

– Мы с твоим дядей подумали, что забота о ребенке пойдет нам на пользу.

– Вам «на пользу»? Вы ведь никогда не хотели иметь детей. Я считал, ты была против идеи переезда Камия к вам.

Она устало качает головой.

– У меня никогда не было детей не потому, что я их не хотела. В тридцать лет мне сделали операцию по удалению кисты яичника, возникли осложнения... Серьезные. Два года спустя пришлось согласиться на тотальную овариэктомию.

Я застываю с открытым ртом.

– Прости, Мод. Я бы никогда не подумал, что...

– Ты не мог знать, – сухо произносит она, вставая с дивана. – Не будем больше об этом говорить. Пойду приготовлю чай.

Прежде чем я успеваю добавить хоть слово, Мод исчезает из гостиной. Я чувствую себя паршиво из-за того, что затронул болезную тему и подтолкнул ее к откровенности. Тем не менее

за чувством вины скрывается эгоистичное чувство удовлетворения: я узнал новую информацию. У меня есть подтверждение того, что моя мать была в бедственном положении после ухода Йозефа и не могла заботиться о двух детях. По правде говоря, я сомневаюсь, что она была способна заботиться обо мне.

Я выхожу на улицу выкурить сигарету и позвонить Матье, который оставил мне два сообщения.

- Сегодня утром в галерею приходил журналист.
- Чего он хотел?
- Номер твоего мобильного. Я, естественно, не дал и выставил его.
- Видишь, будет много статей, но не тех, о которых мы думали...
- Ты все еще в Авиньоне?
- Нет, приехал к тетке в Антиб.

Матье ничего не говорит, но его молчание звучит как упрек. Или мне кажется?

– В любом случае в Авиньоне мне делать нечего. Нину я увидеть не смогу, и уж точно не найду ответов на свои вопросы...

- Какие ответы?
- Мне нужна правда; хочу знать, что скрывает моя мать.
- Почему ты так уверен, что она что-то скрывает?
- Потому что мы не пытаемся убить человека без причины. Ее семейная история совсем не ясна. Я больше не верю во всю ту чушь о родителях и детстве, которую мне скармливали. Удивляюсь, как я мог все это проглотить... Моя тетя что-то знает, но пока молчит. Ничего, в конце концов я обязательно все выясню.

Когда я возвращаюсь в гостиную, Мод сидит перед чашкой чая и выглядит еще более подавленной. Я чувствую укол в сердце. Стать вестником плохих новостей мне было недостаточно, заодно разбередил старые раны... Она жестом приглашает меня сесть. В этот момент перед домом раздается рычание двигателя. Я подхожу к окну, отдергиваю занавеску.

Мотоцикл – красно-белая спортивная модель – только что въехал на усыпанную гравием подъездную аллею и остановился возле бассейна. Я никогда не видел эту роскошную игрушку, но наездник может и не снимать шлем – я знаю, кто он. Мод присоединилась ко мне у окна.

– Я должна была предупредить тебя... Камиль вернулся. Он живет здесь уже месяц.

Я смотрю на нее совершенно ошеломленный. Она кладет руку мне на плечо и добавляет:

– Главное – ни слова о том, что я тебе рассказала. Он ничего не знает. Это причинило бы ему слишком сильную боль...

9

Голубое небо затянуло облаками, и оно стало серо-розовым. Мы с Камилем сидим на скалах, смотрим на окруженную соснами бухту. Туристы здесь редкость. Уголок все еще дикий. К нему ведет длинная благоустроенная прибрежная тропа, огибающая мыс. Раньше нам приходилось тащиться вокруг, чтобы добраться сюда. С несколькими друзьями, которые приезжали только на лето, мы проводили целые вечера на этом маленьком пляже, пили пиво и курили. Мне кажется, что с тех пор прошла целая вечность.

Наше воссоединение выглядело натужным. Камиль, как и я, не хотел огорчать Мод, и мы попытались исправить ситуацию. Когда тетя сказала, что хочет отдохнуть в своей комнате, именно я предложил брату пойти на этот пляж. Не знаю, почему мне пришла в голову эта идея. Возможно, я хотел еще раз укрыться в прошлом, чтобы не сталкиваться с настоящим.

Камиль вытаскивает пачку испанских сигарет неизвестной мне марки. Несколько минут мы молча курим, наблюдая, как волны разбиваются о скалы. Я хотел бы сидеть так часами. Хотел бы остановить время. Как ни странно, я больше не злюсь на Камилля. Наблюдаю за ним краем глаза. Лицо изможденное, цвет кожи восковой, почти болезненный. Разница в возрасте у нас небольшая, но он принадлежит к той категории людей, для которых год жизни идет за два. Только теперь я замечаю глубокий шрам у основания его шеи, по-видимому, свежий. Драка? Несчастный случай? Не стану спрашивать. Камиль попадал в такое количество передряг, что я опасаясь его реакции.

– Мне очень жаль Нину, – наконец выпаливает он.

Я не сомневаюсь в искренности брата, потому что видел, как его потрясла эта новость.

– Хотел бы сказать, что все наладится или что-то в этом роде, но сам не слишком в это верю. Даже наш адвокат считает, что ситуация непонятная.

Камиль сминает сигарету и проводит рукой по волосам; раньше он никогда не носил таких длинных. Достает новую сигарету, но не закуривает, просто постукивает ею по ладони.

– Помнишь Кассандру?

– Кассандру?

– Маленькая рыжеволосая девушка, очень милая, с которой я встречался однажды летом. Мне тогда было шестнадцать.

– Смутно.

– Я тайком приводил ее домой. Мод в то время шпионила за мной – ей не нравилось, что я тусуюсь с девушками. Это было последнее лето перед смертью дяди.

– Почему ты рассказываешь о ней?

– Сам не знаю. Стараюсь уцепиться за счастливые воспоминания... В конце концов, у меня их не так много.

«У меня тоже...» Если подумать, летние каникулы на Антибе – кусок счастья. С дядей и тетей я вновь обрел беспечность, которую ребенок никогда не должен терять. Дни проходили в праздности, в праздности без реальной цели. Мы вставали поздно. В спальне я слушал записи «Дайр стрейтс», Леонарда Коэна и Джоан Баэз. Камиль заполнял карандашными набросками толстые альбомы для рисования, которые всегда таскал с собой. Изнемогая от жары, мы часами бездельничали в шезлонгах, расставленных под деревьями в саду, или купались. Плавал я плохо, по-собачьи, барахтался, как лягушонок, но мне казалось, что вода очищает меня от таинственной скверны. В те, пусть и ужасно обыденные, моменты у меня было ощущение, что потребовалась бы самая малость, чтобы научиться чувствовать счастье.

– Знаешь, Нина иногда звонит мне, – продолжает Камиль, не глядя мне в глаза, но я знаю, что он чувствует мое удивление.

– И о чем она с тобой говорит?

Брат делает неопределенный жест рукой.

– О мельнице, о тех временах, когда все мы еще жили вместе... В общем, говорит она, а я слушаю. Она рассказывает забавные истории о семье, а потом спрашивает, помню ли я их. Я отвечаю «да», но на самом деле в голове сплошной туман. Как будто... – Он внезапно начинает колотить себя кулаком по голове. – Как будто что-то там сломалось.

– Ничего не сломалось, Камиль. У меня тоже не так много воспоминаний о том времени.

– Ты моложе меня на три года.

– Возможно, но дело не только в этом.

Камиль смотрит в сторону горизонта и щелкает зажигалкой. Я чувствую, что он хочет поговорить со мной так, как никогда не говорил, но не находит слов.

– Как до этого дошло?

– О чем ты?

– Обо всем. Мы двое, семья, твоя мать... Я никогда не знал, как найти свое место, Тео. Я чувствую себя полным дерьмом... Что, черт возьми, я мог сделать после папы? Кому по силам соперничать с великим Йозефом Кирхером?

– Не говори так, Камиль. У тебя был дар к рисованию и живописи. Да, у тебя была душа художника.

– И посмотри, на что я ее употребил... Я не представлял себе будущее таким. Получается, полжизни я строил мечты, а другую половину хоронил их. Ты справился лучше... Тео, фотограф звезд!

– Прекрати, прошу тебя! Мне плевать на эти фотографии. Их мог бы сделать любой.

– Брось...

– Почему ты добиваешься запрета на выставку и публикацию книги?

Камиль пожимает плечами, как нашкодивший ребенок, которого поймали «на месте преступления».

– Сам не знаю.

– Не держи меня за идиота.

Он машинально проводит рукой по волосам, убирая их со лба.

– Я не желаю, чтобы посторонние люди увидели эти фотографии, пришли и начали совать нос в нашу жизнь... Иногда хочется полистать семейный альбом с любительскими фотографиями, а не гребаную книгу произведений искусства. Ты понимаешь?

– Это папина работа, нельзя спрятать ее от мира.

– Мы хорошо справлялись с этим больше тридцати лет. Ты не мог подождать еще несколько десятилетий? Думаешь, Нина была вне себя от радости при мысли об этой выставке?

– Мама что-то тебе...

– Нет, но я полагаю, она предпочла бы сохранить воспоминания для себя. Тебе следует быть более осторожным с другими людьми, Тео. Мир не вращается вокруг твоей маленькой персоны.

Я чувствую, что Камиль нервничает. Вижу, как дрожат его руки. Он сжимает кулаки, чтобы я не заметил.

– Камиль, ты чист?

Он усмехается.

– Вопрос вопросов... Я был уверен, что ты непременно об этом спросишь.

– Я беспокоюсь о тебе.

– Беспокоишься... – повторяет он насмешливо.

– Я серьезно.

– Если действительно хочешь знать, я уже год как пью, и много, но все остальное бросил. Сам видишь – делаю успехи: из наркомана стал алкоголиком...

Узнаю Камиля. Иронию он пускает в ход, когда хочет разрядить неловкую ситуацию. Я делаю паузу.

– Меня не было рядом, и я об этом сожалею. Я должен был сделать больше, чтобы помочь тебе выбраться.

– Думаю, если я и научился в жизни чему-то, так это тому, что мы сами несем ответственность за происходящее с нами. Выбор есть всегда. Никто не заставлял меня жрать эту дрянь...

– Тебе следовало остаться со мной и Ниной. Мы могли бы помочь друг другу.

Он качает головой, как человек, давно утративший иллюзии.

– Нет, Тео. Мне не в чем винить Мод или дядю. Они хорошо меня воспитали. Сделали все, что могли, чтобы я выжил. Многие дети были куда несчастнее...

Камиль не смотрит на меня, не спуская глаз с линии горизонта, за которую цепляются несколько усталых облаков.

– Кажется, пора домой, – наконец говорит он. – Пляж меня угнетает. И зачем только я вернулся в Антиб, где чувствовал такую боль... Ты знаешь, каково это. Если мы не знаем, куда идти, всегда возвращаемся на место преступления.

Я смущенно улыбаюсь, не очень понимая, о чем он. Камиль встает и забирает сигареты, оставшиеся на камне. Я хотел бы удержать его, наверстать упущенное время, убедить себя, что еще не слишком поздно, но нас разделяет бездна.

– Последний вопрос, Камиль. Ты что-нибудь знаешь о Нине?

Он хмурится.

– Что-то, о чем она говорила с тобой и что я должен узнать после случившегося.

Он качает головой, но стоит против света, и лица его я не вижу.

– Нет. Что, по-твоему, она могла мне рассказать?

– Не знаю, потому и спрашиваю.

– Ты не можешь спасти мать, Тео.

– Я сделаю все, чтобы она не попала в тюрьму.

– Я не о том. Что бы с ней ни случилось и что бы ты ни обнаружил, ты ничего не поправишь в ее прошлом. Единственное, что мы можем сделать, это попытаться жить с этим...

10

Я возвращаюсь домой и не вижу мотоцикла Камиля. Мод сидит в гостиной перед телевизором. На мгновение я пугаюсь, что она смотрит новости, но на канале идет какая-то дурацкая игра, на которую тетя не обращает никакого внимания.

– Ты не знаешь, где Камиль?

Она смотрит на меня пустым взглядом.

– Когда твой брат уходит, я никогда не знаю, куда он идет. Или когда вернется...

Я чувствую, что Мод не хочется разговаривать. Не задавая больше никаких вопросов, поднимаюсь наверх. Дверь в комнату Камиля приоткрыта. Я не могу устоять перед искушением толкнуть ее и войти. Кровать не заправлена, на столике лежит сборник произведений Рене Шара. Старое издание, наверняка из библиотеки нашего отца. Я листаю книгу. Несколько страниц загнуты, кое-какие стихи подчеркнуты карандашом: «Как жить без незнакомца перед собой» или «Подпиши то, что освещаешь, а не то, что затемняешь».

На полу стоит дорожная сумка. Понимаю, что поступаю плохо, но расстегиваю молнию и начинаю рыться в вещах, точно зная, что ищу, поскольку не верю, что Камиль и правда завязал, но он хитрый, опытный и спрятал записку там, где посторонний не сумеет найти. Среди кучи разбросанной одежды меня ждет совершенно другое открытие: блокнот на спирали. Он на три четверти заполнен набросками углем и карандашными рисунками. Я не знаю, когда они были сделаны, но инстинкт подсказывает, что большинство недавние, иначе зачем Камилю таскать его с собой? Есть и конкретное подтверждение – даты в правом нижнем углу нескольких страниц.

Строго говоря, это не фигуративные рисунки, но и абстрактными я их не назвал бы. Темная, хаотичная, грубая штриховка, из которой кое-где проступают узнаваемые объекты – например, бесформенная лестница с неправильными ступенями, которая вроде бы никуда не ведет и каждый раз растворяется в черном фоне. Она вызывает у меня такое же замешательство, как лестница Пенроуза, открытая мною в детстве в книге визуальных парадоксов, которая долгое время оставалась моей «подподушной» книжкой. Замерев, стою посреди комнаты. Эти конструкции замечательны. Они свидетельствуют о такой зрелости, которую я и вообразить не мог. У меня сжимается сердце, когда я смотрю на них. Я думаю о потерянных годах, о карьере, которую мог бы сделать мой брат, о той огромной творческой энергии, которая могла бы удержать его от постепенного, но неуклонного саморазрушения. Я переворачиваю страницы, и меня все больше захватывает его талант и потрясают его муки. Лестница – навязчивый мотив. На некоторых рисунках он изобразил ее в цвете, но выбрал только красные и оранжевые, кричащие, агрессивные оттенки – из тех, что получаются на фотографии за счет чрезмерного увеличения насыщенности.

Опасаясь неожиданного возвращения Камиля, я кладу блокнот на место и выхожу. Кружу по своей комнате минут пять, не в силах выкинуть из головы трагические рисунки брата, прежде чем решаю вернуться в гостиную. Мод так и сидит на диване. Вряд ли она заметит, как я прохожу мимо. Я хотел бы расспросить ее о Камиле, поговорить о его рисунках, больше узнать о нынешней жизни, но чувствую себя слишком виноватым из-за того, что загнал ее в угол вопросами о матери.

Иду прямо на кухню и большими глотками пью воду прямо из-под крана, видя в окно, что мотоцикл так и не появился. Уверен, сегодня я не увижу Камиля и наш разговор на пляже останется пустым звуком.

Чувствую присутствие Мод за спиной, оборачиваюсь и вижу, как она ставит на стол две большие коробки, покрытые старомодным цветочным узором. Я помню то время, когда мы с Камилем, чтобы скоротать время, помогали ей делать эти коробки и другие предметы декора.

– Это что еще такое?

Она выдыхает и касается ладонями крышек.

– Вещи брата, которые я сохранила, и несколько предметов, которые твоя мать держала здесь все эти годы. Письма, фотографии, документы... Всё здесь. Не бог весть что, но больше мне помочь нечем. Делай с этим все, что захочешь.

– Спасибо, Мод, ты не обязана...

– Еще как обязана. В конце концов, все это принадлежит не мне. Но ты ничего не найдешь. Нет никаких секретов, Тео. Или я ничего о них не знаю. Иногда в жизни нечего понимать. Вещи случаются по непонятным причинам.

Она поворачивается на каблуках и исчезает, прежде чем я успеваю возразить.

Несмотря на поздний час, я варю себе крепкий кофе, прежде чем сесть перед коробками. С тревогой и волнением высыпаю содержимое на стол, откладывая в сторону несколько неинтересных предметов – бижутерию, старый ключ, адресную книгу, – а потом приступаю к пачке писем и открыток. Главные получатели – Мод и мой дядя. Всего пять писем, написанных моим отцом в период с 1962 по 1967 год. Рассказы о поездках в Испанию и Италию, намеки на текущие работы на мельнице, рассказ о подготовке выставки, которая, насколько мне известно, так и не открылась, – и ни слова о том, что имело бы отношение к Нине.

Писем от моей матери гораздо больше, они писались в течение почти трех десятилетий. Я сразу узнаю ее почерк, крошечные буквы с засечками. Сначала я не тороплюсь – опасаясь упустить какую-нибудь деталь, которая может навести меня на след. Но постепенно мое внимание слабеет, а разочарование растет. Ни малейшего намека на Швейцарию или прошлое матери, вообще ничего особенного, никаких конкретных фактов, которые могли бы заставить меня думать, что Нина что-то скрывает. Читая их, я даже испытываю странное чувство из-за несоответствия между формой, элегантной и порой даже красивой, и содержанием, ужасно банальным и скучным. Эти письма поверхностны: моя мать никогда по-настоящему не раскрывается в них, даже когда рассказывает о своих заботах, моментах усталости или одиночестве.

Благодаря конвертам – почти все сохранились – я понимаю, что эта переписка иногда прерывалась на несколько лет. Есть ли еще письма? Они потеряны? Мод положила их в другое место? Неужели она сознательно отдала мне лишь незначительную часть, вынуженная сочла слишком личным?

Я варю второй кофе и просматриваю фотографии. Неудивительно, что по большей части это работы моего отца. Фотографии, сделанные в Париже или Сент-Арну, мне известны; это, без сомнения, дубликаты, напечатанные специально для Мод. Многие снимки, сделанные летом на Лазурном Берегу, в Ницце, Антибе или Каннах, я вижу впервые; среди них полно полароидных. Подборка лет за десять, если доверять их возрасту. Отпускные сюжеты без художественной ценности, запечатлевшие простые и счастливые моменты нашего существования.

Как только я начинаю терять всякую надежду, сквозь пальцы проскальзывает другая фотография. Снимок черно-белый, с неровными краями и довольно необычного, уменьшенного формата. Он сразу кажется мне лишним среди других фото, и я трачу несколько секунд, чтобы разгадать сцену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.